

Огонек

3

Журнально-газетное объединение. Москва. 1938г.

Конный дозор

Фото В. Мусинова. Экспонат 1-й Всесоюзной выставки фотоискусства

На обложке — Работницы Хлебозавода Н. Евланова и Н. Галанина на лыжной прогулке в выходной день. Фото Е. Леонова. На последней странице обложки — фото А. Воротынского

ПРАВИТЕЛЬСТВО СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА—
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР
Вячеслав Михайлович МОЛОТОВ

Заместитель Председателя Совета
Народных Комиссаров СССР Влас
Яковлевич ЧУБАРЬ

Заместитель Председателя Совета
Народных Комиссаров СССР
Анастас Иванович МИКОЯН

Заместитель Председателя Совета
Народных Комиссаров СССР и новой Комиссии СССР
Председатель Комиссии Советского
Контроля Станислав Викентьевич
КОСИОР

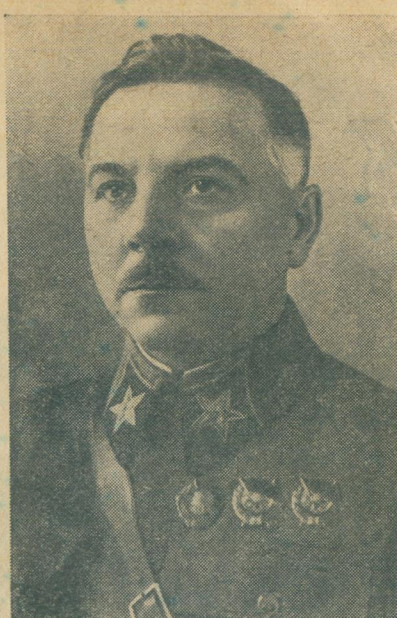
Председатель Государственной Пла-
новой Комиссии СССР Николай
Алексеевич ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Народный комиссар иностранных дел Максим Максимович ЛИТВИНОВ

Народный комиссар внутренних дел Николай Иванович ЕЖОВ

Народный комиссар обороны Климент Ефремович ВОРОШИЛОВ

Народный комиссар военно-морского флота Петр Александрович СМЕРНОВ

Народный комиссар тяжелой промышленности Лазарь Моисеевич КАГАНОВИЧ

Народный комиссар машиностроения Александр Давидович БРУСКИН

Народный комиссар оборонной промышленности Михаил Моисеевич КАГАНОВИЧ

Народный комиссар пищевой промышленности Абрам Лазаревич ГИЛИНСКИЙ

Народный комиссар легкой промышленности Василий Иванович ШЕСТАКОВ

Народный комиссар лесной промышленности Михаил Иванович РЫЖОВ

Народный комиссар путей сообщения Алексей Венедиктович БАКУЛИН

Народный комиссар водного транспорта Николай Иванович ПАХОМОВ

Народный комиссар связи Матвей Давидович БЕРМАН

Народный комиссар земледелия Роберт Индрикович ЭЙХЕ

Народный комиссар зерновых и животноводческих совхозов Тихон Александрович ЮРКИН

Народный комиссар заготовок Михаил Васильевич ПОПОВ

Народный комиссар финансов Арсений Григорьевич ЗВЕРЕВ

Народный комиссар торговли Михаил Павлович СМЕРНОВ

Народный комиссар внешней торговли Евгений Деңисович ЧВЯЛЕВ

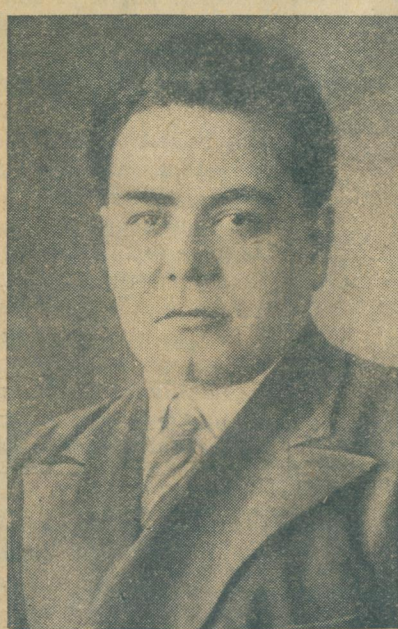
Народный комиссар юстиции Николай Михайлович РЫЧКОВ

Народный комиссар здравоохранения Михаил Федорович БОЛДЫРЕВ

Председатель правления Государственного банка Алексей Петрович ГРИЧМАНОВ

Председатель Комитета по делам высшей школы Сергей Васильевич КАФТАНОВ

Председатель Комитета по делам искусств Алексей Иванович НАЗАРОВ

Первые шаги

Из воспоминаний о В. В. Куйбышеве

Когда Валериан кончил кадетский корпус, он объявил, что в военное училище не пойдет. На уговоры матери продолжать военное образование, он отвечал:

— Я не хочу быть военным... Не могу по своим убеждениям...

Мама начинала нервничать: у отца очень маленький заработок, семья большая, лишних денег нет, а в военном училище учатся бесплатно.

— Мамочка, мне ничего, ничего не нужно. Я ни у вас, ни у папы денег просить не буду... Заработаю уроками...

Отец в это время был в Петербурге, он лечил раны, полученные во время японской войны. Мать пишет ему со слезами большие письма, просит повлиять на Валериана... И все-таки шлет директору кадетского корпуса просьбу — освободить сына от учения в военном училище и направить его в военно-медицинскую академию. Она думала, что директор пошлет Валериана в академию за счет корпуса... В просьбе матери отказали.

Приехал отец. Теперь вдвоем принялись уговаривать сына:

— Ты кончи военное училище. Подрости. А там видно будет. Взрослому легче будет распорядиться своей судьбой. Ведь ты еще мальчик, тебе только семнадцать лет. А уроками не проживешь... Будешь голодать. У меня же нет денег, чтобы посылать тебе...

Отец говорил строго и твердо. А когда остался вдвоем с матерью, то просителем был уже отец:

— Согласимся, давай! Пусть мальчик учится там, где ему хочется. Денег найдем... Вот брошу курить... — решительно говорит отец. — Экономия будет. Несколько десятков рублей вышлем... А? Согласимся?

Через несколько дней отец шлет прошение: «Желая определить сына В. Куйбышева в военно-медицинскую академию, прошу распоряжения об исключении его из числа воспитанников корпуса и выдаче мне его документов, а также аттестата об окончании им курса» (Омский областной архив).

Так Валериан вырвался из военщины. Родителям приходилось хлопотать за сына, как за несовершеннолетнего, а он в это время вел уже большую, самостоятельную жизнь. Он уже был известен в революционных кругах, он был уже большевиком и выполнял ответственные поручения партии.

В Петербурге студент медицинской академии с головой ушел в революционную работу, он сейчас же связался с организацией большевиков. В Москве готовилось вооруженное восстание, петербургская партийная организация транспортировала оружие для Москвы из Финляндии.

Валериану партия поручила перевозить с Финляндского вокзала оружие на нелегальный склад, а потом переправлять в Москву. Обвешанный бомбами, наганом и ручными гранатами, он казался пополневшим в своей студенческой шинели, кроме того, тяжелые чемоданы были тоже наполнены оружием. С этой поклажей он проходил мимо жандармов, стоявших на вокзале, нанимал извозчика и ехал через весь город, рискуя попасть в лапы полиции.

Но не было такого случая, чтобы он вызвал подозрение у жандармов или полиции; вероятно, в этом помогал ему его молодой возраст.

Квартирная хозяйка тоже не подозревала, что к ее молодому, спокойному жильцу приходят товарищи со всех районов города за прокламациями и за запрещенной литературой, она и представить не могла, что 17-летний юноша ведет такую большую революционную работу.

Чтобы учиться и жить, нужно было работать. Он стойко выдерживал слово, данное себе — не просить у отца денег. Уроки, которые

были в разных концах города, плохо оплачивались. Валериан вел полуголодное существование.

— Ни разу, как бы я ни был голоден, как бы я ни устал, ни промерз, я не завидовал тем, кто пошел учиться в военное училище, — говорил Валериан. — Я был слишком удовлетворен своей работой, мне было радостно сознавать, что я активный член партии — это было для меня все. Без этой работы, без этого сознания — я не мог бы существовать.

Валериан рассказывал, что первое время, когда он начал вести кружки среди рабочих и

А. Коваленков

Отчизне

1

Простым словам и песне задушевной
Не нужно ни хлопшек, ни огней.
Мы говорим работой повседневной
О верности и стойкости своей.
Мы отдаем все помыслы отчизне,
Все лучшее, что в сердце есть у нас.
Легенда озаряет наши жизни,
Грядущее глядит из наших глаз.
Нас окликает дружба голосами
Родных полей, где вместе мы росли
И возмужав пошли на бой. И знамя
Гражданской справедливости несли.

2

Я видел Сталина. Душа навеки
Подробности живые сохранит.
Есть правда на земле, и в человеке
Она бессмертным пламенем горит.
Я знал любовь. Улыбкой материнства
Она согрела мужество мое.
К нам в быт вошло железное единство —
Страны несокрушимой бытие.
Я видел разноцветные просторы,
В снегах тайги охотничьи следы,
Морскую синь, в лучах восхода горы,
Цветущие долины и сады.

3

Для подвигов отчизна нас растила,
Открыв глазам пути добра и зла.
Крылатая, стремительная сила
Нас ленинской дорожкой вела.
По-разному встречая дни ненастья
Досадный вздор домашних мелочей,
Мы верили в одно большое счастье,
В большую правду родины своей.
Мы за нее пойдем в огонь и воду —
Прямолинейный, доблестный народ.
И горе тем, кто на свободу,
На справедливость нашу посягнет!

солдат, к нему относились недоверчиво, уж слишком молод он был, чтобы учить и агитировать.

— Но ко мне быстро привыкли. Я прошел очень хорошую школу омского подполья, когда еще учился в кадетском корпусе. Я тогда ходил на рабочие собрания в своем кадетском военном мундирчике. Тогда-то уж совсем было странно видеть и слушать меня, а все-таки я добился, что ко мне прислушивались...

В медицинской академии произошли волнения. Валериан был исключен из академии.

Остаться в Петербурге было нельзя — полиция охотилась за революционерами и, поймай они Валериана, он мог бы провалить работу всей организации. Валериан поехал в Омск, где его хорошо знала партийная организация.

Это было в 1906 году. Валериан был избран членом омского комитета партии большевиков. Ему не было еще и 18 лет.

Он был уже опытный агитатор, умел проводить массовки и собрания рабочих. И ему поручила партия руководить избирательной кампанией во вторую государственную думу по всему Степному краю Сибири, вести пропагандистскую работу, заниматься с учащимися.

Часто приходилось выезжать в Каинск, Петропавловск, Барабинск, чтобы проводить работу среди железнодорожных рабочих и среди учащихся этих городов.

Однажды Валериан получил известие, что через Петропавловск следует этап политических заключенных. Он предупредил об этом рабочих-железнодорожников.

— Эшелон с арестованными нужно остановить у депо. Мы должны выразить им свою солидарность... Заключенные нуждаются в продуктах, в деньгах, — мы поможем им. Да и вообще эта встреча пусть будет организована так, чтобы они поняли, что рабочие за них. Это очень ободрит их в тяжелом этапе...

Трудно было узнать, по какому пути пойдет эшелон с заключенными. Жандармы это держали в большом секрете.

Решили поставить на всех путях дежурных и сигнализировать друг другу, если поезд с арестованными пойдет на его путь.

— Он был молод, но всегда сосредоточенно серьезен, и все, что он скажет, — чувствовалось, что обдумал, взвесил и, убевившись сам в правоте, убеждал нас.

— Я как сейчас вижу Валериана Владимировича еще молодым, в студенческой тужурке. Уже тогда товарищ Куйбышев отличался неистощимым бесстрашием, умением толково все рассказать.

Так вспоминали о Валериане рабочие Петропавловска.

Все с большей энергией стали готовиться к встрече эшелона с заключенными.

Валериан рассчитывал так: соберутся рабочие мастерских и депо у остановившегося поезда, загудит протяжно паровоз, это привлечет внимание жителей города и, конечно, соберется толпа...

— Хорошо бы цветы! — говорит Валериан.

— Будут и цветы и музыка будет! — радостно соглашаются рабочие.

Нелегко было остановить поезд с заключенными у депо, но все же остановили. Образовалась большая толпа. Музыки не было, но раздалось пение революционных песен, появились учащиеся с цветами. К решетчатым окнам из вагона прижались головы заключенных, некоторым даже удалось выйти на площадку.

Жандармы, охраняющие поезд, заволновались. По телефону вызвали полицию, а та вызвала солдат петропавловского гарнизона...

Толпа любопытных и сочувствующих все росла, и образовалась мощная демонстрация.

Явившиеся солдаты на помощь к жандармам не могли подойти к поезду: на всех путях ревели паровозы, выпуская клубы серого дыма и пара, образуя непроходимую завесу. Дымовая завеса разделила демонстрантов от солдат.

Передав деньги, провизию и выразив свою солидарность заключенным, рабочие и учащиеся стали осторожно расходиться, а гудки паровозов все гудели и дымовая завеса не уменьшалась до тех пор, пока не ушел поезд с заключенными.

Так солдатам и не удалось стрелять. Хорошо выполнили свое задание машинисты...

1 мая в лесу, возле озера Пестрое, собрались рабочие железнодорожники.

Расположились на зеленой траве маленькими группами, возле каждой группы несколько пустых бутылок из-под пива. Это сделано для того, чтобы обмануть полицию, если ей вздумается проследить, что делают рабочие в лесу.

Тут и Валериан. Он рассказывает о том, что омская организация окончательно разоблачила меньшевиков и вытеснила их отовсюду. Он говорил о том, как надо распознавать меньшевиков, как бороться с ними. Он рассказывал о международном значении праздника 1 мая.

Твердо и убедительно звенел молодой голос Валериана. Внимательно слушали его, молодого, убеленные сединой рабочие.

Оживленно проходил митинг.

Вслед за Валерианом из Омска примчался обозленный меньшевик. Он старается напасть на большевиков и лично Валериану, который так энергично боролся, чтобы вывести меньшевиков из омского комитета РСДРП.

Он удивлен и высказывается вслух: как это, такие старые рабочие и слушают болтовню мальчишки и верят ему?

Но рабочие не хотели слушать меньшевика и насторожились.

Совершенно неожиданно появилась полиция и солдаты.

— В чем дело? — возмутились рабочие. — Разве мы не имеем права гулять в лесу?

Некоторые даже пытались симулировать опьянение.

Но полиция и солдаты пустили в ход нагайки. Тут на сцену появились бутылки, и рабочие стали защищаться ими.

Валериан тоже пострадал от солдатской нагайки, но ему удалось скрыться. Никто из рабочих не был арестован. Валериана разыскивала полиция, но безуспешно. Рабочие не выдали своего руководителя. Много раз приходилось Валериану спешно уезжать из Петропавловска и так же спешно возвращаться. По всем городам Степного края, так же как и в городах России, вспыхивали всеобщие забастовки. Неудачная война с японцами обозлила, возмутила рабочих.

С востока двигались демобилизованные войска. Правительство торопилось перебросить эти войска в центр России для усмирения восставших. Валериан совещается с петропавловскими железнодорожниками:

— Как бы затормозить передвижку войск в центр России? Там проходят забастовки, готовится вооруженное восстание, и войска с востока будут посланы на подавление восстания. Надо помешать этому.

Приближался пятый партийный съезд. По всем городам проходили партийные конференции, выбирались делегаты.

Омская организация тоже должна была послать своего делегата.

Только-что началась конференция, вбегает товарищ и сообщает, что дом окружен полицией и казаками...

И, действительно, еще не успели скрыть все следы проходящей конференции, как вломилась полиция.

— Ни с места! Руки вверх! Будем стрелять...

Арестовали всех участников конференции — 38 человек. Не обыскивая, вывели их на двор и под усиленным конвоем повели в участок.

Посадили всех в одну маленькую душную комнату.

— Душно! — сказал кто-то.

— Выбить окно!

Валериан, сидевший близко от окна, ногой выбил стекло. Ворвался свежий морозный воздух. Стало легче дышать. Все ободрились, стали обсуждать, как вести себя на допросах и в тюрьме.

— Петь! Петь! Давайте петь.

Арестованная девушка затянула звонким контрабасом революционную песню, ее подхватили все.

Когда из участка арестованных под усиленной охраной повели в тюрьму, Валериан заметил, что один парень сильно нервничает. Он тоже первый раз был арестован.

— Что ты дрожишь, Молодов? — обратился к нему Валериан, взявши Молодова за руку: — Боишься?

— Нет, так — какая-то нервная дрожь!

— Нас много. Не падай духом! Жаль вот только, что у тебя на квартире осталась литература, которую не успели раздать!

Никто из арестованных не думал оправдываться на допросах и строить из себя невинных. Решили все, что они будут на суде отвечать:

— Я царскому суду никаких показаний делать не буду!

Так и отвечали.

Весть об аресте Валериана облетела все города, в которых он вел работу. Заволнова-

Валериан Владимирович Куйбышев (1888—1935)

Союзфото

лись, затревожились рабочие и учащиеся за судьбу своего руководителя и друга.

Партийная организация помогла наладить связь с тюрьмой, передачу денег, продуктов. В хлеб запекались записочки, сообщалось, что делается на воле. А Валериан посылал для «стирки» свое белье, на рукавах рубашек писал инструкции своим кружкам, советовал, где доставать литературу, что читать... Так налаживалась связь заключенных с оставшимися на воле товарищами.

— Сколько радости было у нас, когда мы получили от Валериана первую весточку! Он жив, бодр, весел, он и не думает унывать... Мы так и знали, об этом можно было нам не писать, мы хорошо знали Валериана.

Из тюрьмы молодой революционер писал матери и отцу нежные, ласковые письма, просил не беспокоиться, примириться с его судьбой революционера...

Однажды мать получила от него такое стихотворение:

«Замолчи мое сердце, не думай о воле,
О задумчивом лесе, о солнечном поле.
Слышишь, в камеру входят, грохочут ключи.

Скрой же слабость мечтаний, будь гордо
в неволе,

Замолчи...
Предо мною твой образ любимый и милый,
Не дожидаться меня из-за стенок могилы.
Позабудь, забуду и я как-нибудь,
Ведь на многие годы мне надобно силы...
Позабудь...

О свободе, о жизни замолкли рыданья.
Ни оковы, ни стены, ни годы страданья
Не заставят позорной пощады просить.
Не сломить мою гордую стену молчанья —
не сломить».

Много плакала мать над этим стихотворением. Писала Валериану, чтобы он переменял свой образ жизни, выйдя из тюрьмы, бросил революционную деятельность, начал учиться...

— Жизнь твоя вся впереди, не ломай ее... Ты молод, и судьба легко сломит тебя...

Валериан ответил:

«Когда уважаешь себя и сознаешь правду своего пути, то всякое горе лишь согнет, но не сломит, а сознание правды опять выпрямит и опять смело и гордо смотришь вперед».

ПОСЛАНЦЫ ВЕЛИКОГО СОВЕТСКОГО НАРОДА— ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Продолжение. См. № 36 «Огонька»
за 1937 год и №№ 1 и 2 за 1938 год
начало серии портретов депутатов
Верховного Совета СССР

Георгий Михайлович Димитров — депутат Совета Союза от Костромского избирательного округа (Ярославская область)

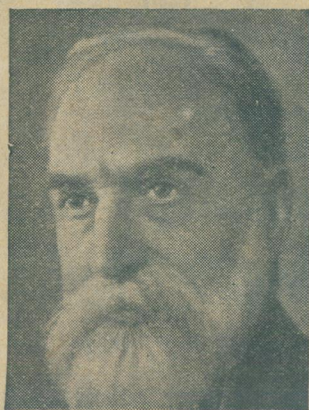
Георгий Максимилианович Маленков — депутат Совета Союза от Клинского избирательного округа (Московская область)

Никифор Яковлевич Наталевич — депутат Совета Союза от Слуцкого избирательного округа (БССР)

Мир Башир Фатдах оглы Касумов — депутат Совета Национальностей от Сабир-Абадского избир. округа (Азерб. ССР)

Филипп Есевич Махарадзе — депутат Совета Союза от Самтредского избирательного округа (Грузинская ССР)

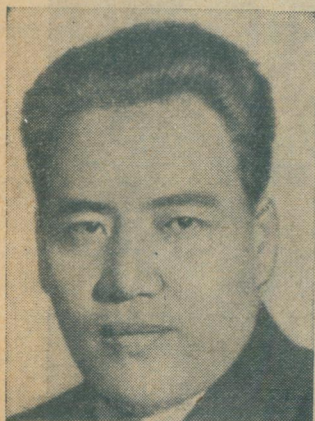
Хивали Бабаев — депутат Совета Национальностей от Тедженского избирательного округа (Туркменская ССР)

Иван Федорович Федько — депутат Совета Союза от Житомирского избирательного округа (Житомирская область)

Матвей Федорович Шкирятов — депутат Совета Национальностей от Тульско-Рязанского избирательного округа (РСФСР)

Нурбапа Умурзаков — депутат Совета Национальностей от Чимкентского избирательного округа (Казахская ССР)

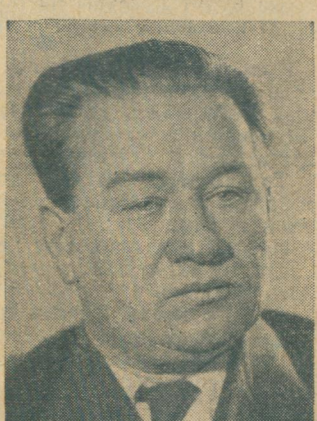
Мурат Салихов — депутат Совета Союза от Ошского избирательного округа (Киргизская ССР)

Александр Федорович Горкин — депутат Совета Национальностей от Канашского избирательного округа (Чувашская АССР)

Мир Джафар Багиров — депутат Совета Союза от Бакинского — Сталинского избирательного округа (Азербайджанская ССР)

Алексей Алексеевич Волков — депутат Совета Союза от Гомельского городского избирательного округа (БССР)

Иван Сергеевич Хохлов — депутат Совета Национальностей от Московского сельского избирательного округа (РСФСР)

Петр Георгиевич Москатов — депутат Совета Союза от Шахтинского избирательного округа (Ростовская область)

Клавдия Ивановна Николаева — депутат Совета Союза от Кашинского избирательного округа (Калининская область)

Алексей Иванович Стецкий — депутат Совета Национальностей от Чебоксарского избирательного округа (Чувашская АССР)

Семен Константинович Тимошенко — депутат Совета Национальностей от Харьковского сельского избирательного округа (УССР)

Юлдаш Ахунбаев — депутат Совета Союза от Андижанского избирательного округа (Узбекская ССР)

Мунаввар Шагадаев — депутат Совета Союза от Гармского избирательного округа (Таджикская ССР)

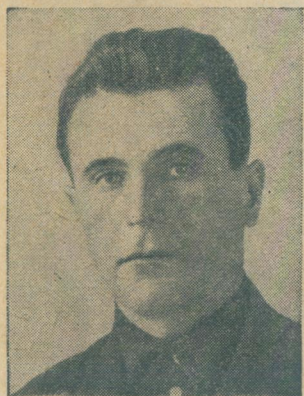
Усман Юсупов — депутат Совета Союза от Ташкентского — Сталинского избирательного округа (Узбекская ССР)

Михаил Эдишерович Чаурели — депутат Совета Национальностей от Телавского избирательного округа (Грузинская ССР)

Яхяд Цомаев — депутат Совета Национальностей от Урус-Мартановского избирательного округа (Чечено-Ингушская АССР)

Митрофан Лукич Железный — депутат Совета Союза от Лискинского избирательного округа (Воронежская область)

Михаил Алексеевич Артюшин — депутат Совета Союза от Чусовского избирательного округа (Свердловская область)

Анна Федоровна Рагина — депутат Совета Союза от Харовского избирательного округа (Вологодская область)

Балабек Григорьевич Мартиросян — депутат Совета Союза от Нор-Баязетского избирательного округа (Армянская ССР)

Степан Иванович Усенко — депутат Совета Союза от Прилукского избирательного округа (Черниговская область)

Борис Михайлович Шапошников — депутат Совета Союза от Щелковского избирательного округа (Московская область)

Мирон Дмитриевич Дюканов — депутат Совета Союза от Сергосовского избирательного округа (Донецкая область)

Борис Елисеевич Кислицкий — депутат Совета Союза от Винницкого сельского избирательного округа (Винницкая область)

Алексей Васильевич Тонкошкурый — депутат Совета Союза от Бердичевского избирательного округа (Житомирская область)

Михаил Иванович Целищев — депутат Совета Союза от Ворошиловского избирательного округа (Свердловская область)

Фаддей Макарович Пономарев — депутат Совета Союза от Осинского избирательного округа (Свердловская область)

Гангар Шарипова — депутат Совета Национальностей от Кулябского избирательного округа (Таджикская ССР)

Антон Никитич Никитин — депутат Совета Союза от Боровичского избирательного округа (Ленинградская область)

Сергей Афанасьевич Баннов — депутат Совета Союза от Анжеро-Судженского избирательного округа (Новосибирская область)

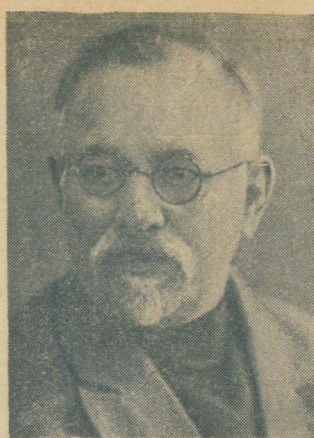
Григорий Тимофеевич Сухоставский — депутат Совета Союза от Старобельского избирательного округа (Донецкая область)

Евдокия Викторовна Виноградова—депутат Совета Союза от Георгиевского избир. округа (Орджоникидзевский край)

Николай Иосифович Сугоня—депутат Совета Союза от Мозырского избирательного округа (Белорусская ССР)

Иван Прокофьевич Вацек—депутат Совета Национальностей от Знаурского избир. округа (Юго-Осетинская авт. область)

Алексей Николаевич Петровский—депутат Совета Союза от Красногвардейского избирательного округа г. Ленинграда

Мария Семеновна Баталова—депутат Совета Национальностей от Коми-Пермяцкого национального округа

Глафира Федоровна Семушина—депутат Совета Союза от Слободского избирательного округа (Кировская область)

Роман Васильевич Белан—депутат Совета Союза от Запорожского первого избирательного округа (Днепропетровская область)

Яков Абрамович Чубин—депутат Совета Союза от Чарджоуского избирательного округа (Туркменская ССР)

Фазыла Валиахметович Шагимарданов—депутат Совета Союза от Дуванского избирательного округа (Башкирская АССР)

Андрей Михайлович Краснов—депутат Совета Союза от Шумерлинского избирательного округа (Чувашская АССР)

Хасан Джангерович Темрук—депутат Совета Национальностей от Хакуртинского избирательного округа (Адыгейская автономная область)

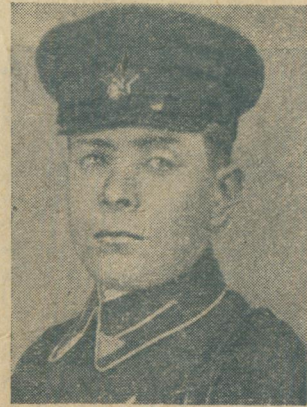
Петр Иванович Шпилевой—депутат Совета Национальностей от Сталинского избирательного округа (Украинская ССР)

Афанасья Прокофьевна Дуркина—депутат Совета Союза от Котельничского избирательного округа (Кировская область)

Степан Георгиевич Пасынков—депутат Совета Союза от Советского избирательного округа (Кировская область)

Алексей Дмитриевич Агеев—депутат Совета Национальностей от Усть-Канского избирательного округа (Ойротская автономная область)

Афанасий Федорович Ковалев—депутат Совета Союза от Витебского сельского избирательного округа (Белорусская ССР)

Доку Сулейманович Сулейманов—депутат Совета Национальностей от Шалинского избирательного округа (Чечено-Ингушская АССР)

Давид Алексеевич Чичинадзе—депутат Совета Национальностей от Тбилисского—Сталинского избирательного округа (Грузинская ССР)

Галей Динмухаметов—депутат Совета Национальностей от Ново-Шешминского избирательного округа (Татарская АССР)

Гунстрай Шеевна Циденова—депутат Совета Национальностей от Улан-Удэнского городского избирательного округа (Бурят-Монгольская АССР)

Николай Андреевич Загвоздин — депутат Совета Национальностей от Сталинабадского сельского избирательного округа (Таджикская ССР)

Дарья Григорьевна Цыганкова — депутат Совета Союза от Семилукского избирательного округа (Воронежская область)

Григорий Артемьевич Арутюнян — депутат Совета Союза от Ереванского избирательного округа (Армянская ССР)

Николай Николаевич Дубинин — депутат Совета Национальностей от Сталинградского избирательного округа (РСФСР)

Ибрагим Калмукович Темиров — депутат Совета Национальностей от Усть-Джегутинского избирательного округа (Кара-чаевская авт. область)

Иван Михайлович Гаглов — депутат Совета Национальностей от Горно-Алагирского избирательного округа (Северо-Осетинская АССР)

Михаил Андрианович Евсеенко — депутат Совета Союза от Бакинского-Ленинского избирательного округа (Азербайджанская ССР)

Шахим Алиханович Тенгизов — депутат Совета Национальностей от Ежово-Черкесского городского избир. округа (Черкесская авт. область)

Таисия Ефимовна Бобкова — депутат Совета Союза от Дзержинского избирательного округа (Горьковская область)

Авраам Павлович Завенягин — депутат Совета Союза от Кыштымского избирательного округа (Челябинская область)

Абрам Яковлевич Столяр — депутат Совета Союза от Свердловского городского избирательного округа (Свердловская область)

Урушан Азам-оглы Хубалиев — депутат Совета Союза от Ленкоранского избирательного округа (Азербайджанская ССР)

Константин Николаевич Иванов — депутат Совета Союза от Магнитогорского избирательного округа (Челябинская область)

Мацак Петросович Папян — депутат Совета Национальностей от Степанаванского избирательного округа (Армянская ССР)

Тимофей Амвросиевич Строкач — депутат Совета Союза от Могилев-Подольского избирательного округа (Винницкая область)

Мария Прохоровна Костюченко — депутат Совета Союза от Новгород-Северского избир. округа (Черниговская область)

Наум Маркович Анцелович — депутат Совета Союза от Дновского избирательного округа (Ленинградская область)

Иван Александрович Фесенко — депутат Совета Союза от Лисичанского избирательного округа (Донецкая область)

Баламет Юз Ахмет оглы Баламетов — депутат Совета Национальностей от Кубинского избир. округа (Азербайджанская ССР)

Федор Васильевич Маликов — депутат Совета Союза от Троицкого избирательного округа (Челябинская область)

Александр Васильевич Беляков—депутат Совета Союза от Саратовского сельского избир. округа (Саратовская область)

Алмасарида Георгиевна Смагина—депутат Совета Национальностей от Сталинабадского гор. избир. округа (Таджикская ССР)

Рахим Киреевич Ибрагимов—депутат Совета Национальностей от Мелеузовского избирательного округа (Башкирская АССР)

Сергей Ксенофонович Коротков—депутат Совета Национальностей от Ибресинского избирательного округа (Чувашская АССР)

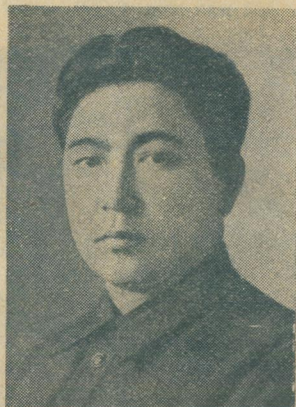
Вячеслав Александрович Малышев—депутат Совета Союза от Коломенского избирательного округа (Московская область)

Арон Абрамович Хенкин—депутат Совета Национальностей от Одесского городского избирательного округа (УССР)

Константин Александрович Борин—депутат Совета Союза от Кропоткинского избирательного округа (Краснодарский край)

Шамахан Джумаханович Таукеханов—депутат Совета Национальностей от Молотовского избир. округа (Казахская ССР)

Арон Львович Китаев—депутат Совета Союза от Артемовского избирательного округа (Донецкая область)

Анна Дмитриевна Овчаренко—депутат Совета Союза от Миргородского избирательного округа (Полтавская область)

Анатолий Федорович Селезнев—депутат Совета Союза от Свердловского избирательного округа г. Ленинграда

Михаил Андреевич Чембулатов—депутат Совета Национальностей от Ардатовского избирательного округа (Мордовская АССР)

Манефа Владимировна Корякина—депутат Совета Союза от Череповецкого избирательного округа (Вологодская область)

Филипп Никитович Слободняк—депутат Совета Национальностей от Винницкого избирательного округа (Украинская ССР)

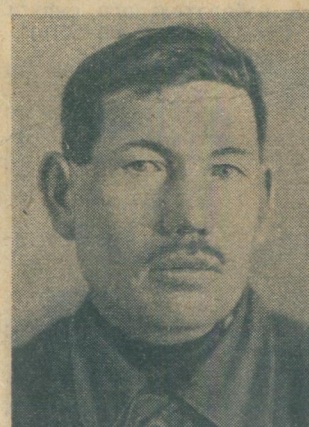
Дмитрий Георгиевич Павлов—депутат Совета Союза от Сухиничского избирательного округа (Смоленская область)

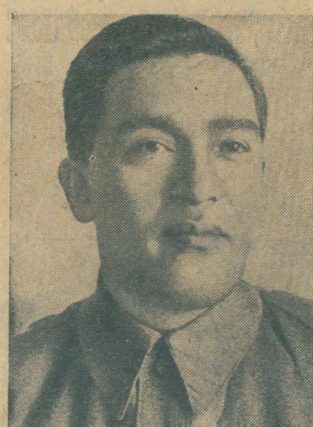
Александра Васильевна Артамонова—депутат Совета Национальностей от Грозненского—Сталинского избирательного округа (Чечено-Ингушская АССР)

Дмитрий Матвеевич Дмитриев—депутат Совета Союза от Пермского избирательного округа (Свердловская область)

Никифор Андреевич Курбатов—депутат Совета Национальностей от Кабанского избирательного округа (Бурят-Монгольская АССР)

Ибрагим Худайкулов—депутат Совета Национальностей от Катта-Курганского избирательного округа (Узбекская ССР)

Николай Игнатьевич Суриков—депутат Совета Национальностей от Мало-Дербетовского избирательного округа (Калмыцкая АССР)

Маргарита Христофоровна Шлегель—депутат Совета Национальностей от Биюк-Онларского избир. округа (Крымская АССР)

Тимофей Петрович Кругляков—депутат Совета Союза от Уманского избирательного округа (Киевская область)

Рустам Ахмедзянович Гадильшин—депутат Совета Союза от Бирского избирательного округа (Башкирская АССР)

Лука Семенович Спасов—депутат Совета Союза от Алатырского избирательного округа (Чувашская АССР)

Якуб Маметович Сеитов—депутат Совета Национальностей от Карасубазарского избирательного округа (Крымская АССР)

Григорий Вульфович Альтшулер—депутат Совета Союза от Гомельского сельского избирательного округа (Белорусская ССР)

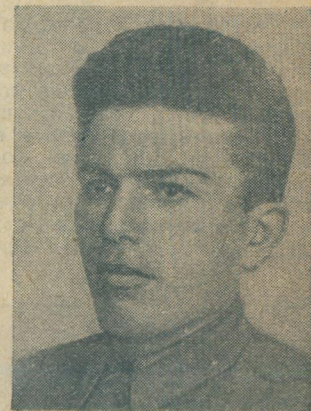
Василий Семенович Сидоров—депутат Совета Союза от Дмитровского избирательного округа (Московская область)

Анна Петровна Сторожева—депутат Совета Союза от Коми-Пермяцкого избирательного округа (Свердловская область)

Дмитрий Захарович Протопопов—депутат Совета Союза от Сталинабадского городского избир. округа (Таджикская ССР)

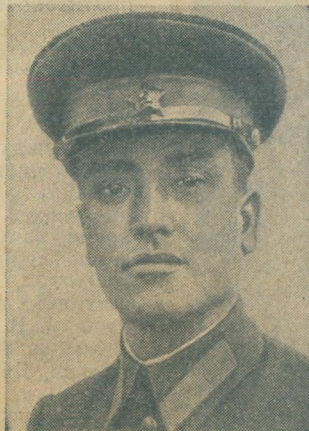
Али Аюбович Гучигов—депутат Совета Союза от Грозненского сельского избирательного округа (Чечено-Ингушская АССР)

Зиновий Дмитриевич Пахомов—депутат Совета Союза от Астраханского городского избирательного округа (Сталинградская область)

Степан Васильевич Журавковский—депутат Совета Национальностей от Тирапольского сельского избирательного округа (Молдавская АССР)

Шарип Халилов—депутат Совета Национальностей от Самаркандского городского избирательного округа (Узбекская ССР)

Екатерина Давидовна Граубергер—депутат Совета Национальностей от Мариентальского избирательного округа (АССР Немцев Поволжья)

Николай Федорович Волков—депутат Совета Союза от Кировского избирательного округа (Николаевская область)

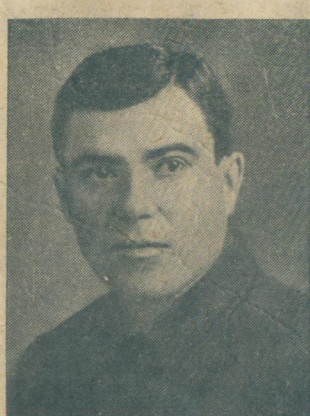
Мария Николаевна Ромашкина—депутат Совета Национальностей от Тетюшского избирательного округа (Татарская АССР)

Николай Иванович Иванов—депутат Совета Союза от Петрозаводского избирательного округа (Карельская АССР)

Алексей Давидович Дорошенко—депутат Совета Союза от Кременчугского избирательного округа (Полтавская область)

Алексей Васильевич Ермак—депутат Совета Национальностей от Мозырского сельского избирательного округа (БССР)

Степанида Тимофеевна Хоменко—депутат Совета Национальностей от Конопотского избирательного округа (Украинская ССР)

БАЙРОН И СОВРЕМЕННОСТЬ

К 150-летию со дня рождения Байрона

В своих юношеских стихах великий английский поэт Джордж Байрон писал, с грустью вспоминая былую славу своего знатного рода:

От баронов, водивших вассалов на бой
Из Европы в поля Палестины,
Лишь остались гербы да щиты, что порой
Треплет ветр, оглашая равнины.

Он родился лордом, на долю его выпал громкий титул, родовой замок и предания о рыцарских традициях его предков. Но рос он и воспитывался матерью в живописном шотландском захолустьи, не зная роскоши и блеска, играя с деревенскими ребятами и с нежного возраста увлекаясь песнями и преданиями шотландских горцев.

Казалось, сама судьба обрекла его на неизгладимые противоречия жизни. Он был знатен, но беден, он был красив, но физический недостаток — хромота — мучил его с детства. Он унаследовал от своих предков честолюбие, горячую кровь, чувство собственного достоинства. Но вместе с тем Байрон был натурой нежной и чуткой. Он болезненно воспринимал всякую ложь и несправедливость, он готов

Джордж Гордон Байрон

был встать на защиту обиженных и угнетенных, не задумываясь о том, может ли он победить в борьбе за справедливость.

Неудивительно, что такой человек, чувствующий себя на голову выше окружавшего его ханжеского и лицемерного английского общества, неоднократно вступал с этим обществом в конфликт, отстаивая права свободной индивидуальности.

Байрон восставал главным образом против застывшей морали так называемого высшего света. Во имя правды и справедливости он разражался гневным протестом против гнета и насилия, против эксплуатации человека человеком. Однако он не видел тех сил, на которые можно было опереться в борьбе, хотя сочувствовал тяжелому положению низших классов.

Знаменательно, что Байрон оказался единственным лордом, выступившим в защиту рабочих, когда в Верхней палате обсуждался билль о смертной казни за разрушение машин. Как известно, английские рабочие, озлобленные эксплуатацией промышленников, уничтожали фабричные машины, видя корень зла в этих новых орудиях производства.

Байрон выступил в Палате с речью, в которой защищал рабочих и ополчался на лордов, желавших утопить движение рабочих в крови. «Вы называете этих людей, — говорил Байрон с парламентской трибуны, — «черными» отчаянной, опасной и нежесткой, и вы, кажется, думаете, что единственный способ успокоить их состоит в том, чтобы срубить несколько ненужных голов... Ясно ли мы отдаем себе отчет в том, насколько мы обязаны этой черни? Ведь эта чернь работает на ваших полях и прислуживает в ваших домах, она управляет вашими кораблями, из нее избирается ваше войско; оттого именно она-то и дает вам возможность угрожать всему миру, но зато она же, когда пренебрежение ее интересами и ее бедствиями повергнет ее в отчаяние, может и угрожать вам. Вы называете народ черным, но вы не должны забывать, что чернь всегда выразительница народных чувств. Как проведете вы ваш билль в жизнь? Разве можете вы превратить в тюрьму целое графство? Вы хотите выдвинуть плахи на всех полях и вешать людей, как копченую рыбу. Или вы хотите (вам нет другого исхода при осуществлении этого мероприятия) казнить каждого десятого, объявить графство на военном положении, разогнать все население и уничтожить все кругом вас... И это — меры, предлагаемые для голодающего и отчаявшегося населения! Когда смерть является единственным избавлением, которое вы дадите, неужели вы воображаете, что ваши драгуны сделают их спокойными?»

В этой речи сказалось благородство Байрона, обнаружилось его революционные порывы, проявилась его ненависть к аристократическому обществу. С тем же презрением, как феодальное дворянство, Байрон отвергал и власть капитализма. Неоднократно в своих поэмах нападал он на банкиров и купцов, от воли которых зависит жизнь миллионов людей и которые «считали в житницах доход, когда стонал в час брани весь народ».

Эгоизму правящих классов, подлому миру купли и мены Байрон противопоставлял борьбу за свободу:

Борьбу я увенчаю ль торжеством,
Не ведаю, — навряд достигну цели;
Но все, что человечество гнетет,
Всегда во мне противника найдет!

Осуждая капиталистический мир с его противоречиями, Байрон разоблачает фальшь завоевательных войн, в ярких сценах взятия Измаила в «Дон-Жуане» вскрывает ужасы бессмысленного истребления людей во имя гнилого ореола мнимого героизма. Единственная война, которую признает Байрон, — это война против тирании и за национальное освобождение. Эти передовые идеи, пропагандируемые Байроном, выдвигают его в ряд великих мировых поэтов, поставивших себе задачей осмыслить жизнь и разоблачить зло и несправедливость. В этом разоблачении Байрон дошел до большой высоты. Гениальный художник и создатель бессмертных образов Чайльд-Гарольда, Дон-Жуана, Манфреда и Каина, Байрон являлся великим романтиком, мощным реалистом, сатириком, умевшим глубоко охватить и воспринять окружающую его действительность.

Эта реалистическая струя в творчестве Байрона делает его особенно значительным в смысле общественном. Байрон в своих сатирах на современное ему общество со всей резкостью сказал правдивое слово о политических деятелях, министрах, парламентариях, представителях высшего духовенства. Вот, например, победитель Ватерлоо — Веллингтон, которого буржуазия сделала народным героем. Байрон изображает его в подлинном свете, как грабителя народных средств: «Народ без хлеба; хоть недаром плата взимается тобою, на мой взгляд, ты часть пайка отдать бы мог назад... ты полмиллиона взял; сознаться надо, что чересчур уж велика награда».

Он бежал со своей родины в добровольную эмиграцию и жил то в Италии, то на Востоке.

Но где бы он ни искал успокоения и улады — под голубым небом Венеции и Пизы, среди классических руин Греции, на Мальте или у тихих вод Женевского озера, — он не забывал насущных нужд своего народа, и всегда за «мировой скорбью» и меланхолией Байрона чувствуется изгнанник-обличитель, рисующий отвратительные картины английского общества с его застоём и нетерпимостью.

В нашем сознании есть как бы два Байрона. Один — меланхолический мечтатель, индивидуалист, разочарованный в жизни и в людях, «лишний человек», герой-одиночка, чувствующий себя выше того круга, в котором он обречен вращаться. И есть второй Байрон — борец за дело справедливости, гуманист, осуждающий общественную неправду, разоблачающий капиталистическое общество. Надо помнить, что автор «Чайльд-Гарольда» и «Манфреда», изобразитель гордых и одиноких героев, в то же время создатель сатирических поэм, беспощадно осуждающих пороки своего класса и зло социального строя. Этот Байрон близок нам, и его страстное свободолобие понятно поколению строителей нового общества, не знающего насилий и эксплуатации.

В одном из писем Байрон говорит: «Если человек не может бороться за свободу своей родной страны, пусть добывает он вольность иному народу; пусть становится на защиту свободы, где только может».

Байрон понял смысл жизни не в бегстве от людей, а в борьбе за их лучшее будущее. Он последовал примеру Лафайета и его друзей, которые отправились в Америку, борющуюся за национальное освобождение; примеру передовых немцев и англичан, сражавшихся на парижских баррикадах вместе с революционным французским народом; примеру иностранных добровольцев, пришедших в Польшу под знамена Костюшко во время польского восстания 1794 года.

Живя в Италии, Байрон видел, как австрийцы, папский Рим и Бурбоны угнетают народ, — и он вступил в тайное общество карбонариев («угольщиков») и поддерживал их и материально и морально.

«Подумайте только, — Италия будет свободна!» — пишет Байрон своим друзьям. Какой ложью звучит легенда о «романтической отрешенности от мира» Байрона, когда знакомишься с фактами его политической деятельности в Италии, где он сносится с неаполитанскими повстанцами, ведет агитацию в Романье, заготавливает оружие и в то же время пишет острый сатирический памфлет «пророчество Данте», в котором бичует многочисленных тиранов, поработивших страну. Недаром один из полицейских агентов в своем донесении пишет, что «если бы безумие Байрона не было общепризнано, он заслуживал бы совместного надзора всех полиций Европы».

Движение карбонариев терпит крах, и это повергает в отчаяние Байрона. Но вскоре поэт-революционер переносит свое внимание из Италии на Грецию, где начинается восстание против турецкого ига.

Подобно тому, как в наши дни дело освобождения Испании является делом всего прогрессивного и передового человечества, подобно тому, как ныне на полях республиканской Испании дерутся в рядах антифашистской армии передовые немцы, венгры, французы, итальянцы, — Байрон в начале 1823 года решил возглавить борьбу греков и стать душой этого восстания.

Для того чтобы отправиться в эту «греческую экспедицию», от него потребовалась коренная ломка жизни, разрыв с Италией, с сердечными привязанностями, — но Байрон пожертвовал всем для дела, которому беззаветно отдался.

«Во всем мире настала борьба против тиранов, — могу ли я уклониться от нее? — писал Байрон. — Жатва созрела — могу ли я промедлить с работой жнеца? Каждый день раздастся трубный призыв и будит отзвук в моем сердце».

И, следуя этому призыву, Байрон проявил огромную энергию и деловитость. Он старался примирить враждующих между собой партизанских вождей, ликвидировать несогласие между туземными войсками и иностранными волонтерами, организовать воинскую дисциплину. В красном военном мундире Байрон объезжал позиции, дыша губительными испарениями болотистой низины Мисолонги, подвергая себя опасности заболеть.

Он проявлял большие способности организатора и полководца. Своей твердой волей он действовал на массу недисциплинированных греческих воинов и пропагандировал среди них гуманные идеи. Он энергично восставал против ненужных жестокостей и отослал турецкому паше больных пленных с письмом, в котором говорилось: «Когда вопрос касается человечности, для меня нет различия между греками и турками».

Не на поле брани пришлось пасть Байрону. Он умер от изнурительной лихорадки, и повстанцы горько оплакивали умершего вождя. Без всякой торжественности отпесали набальзамированный труп Байрона. Гроб был покрыт черным плащом, на который возложили шлем, саблю и лавровый венок.

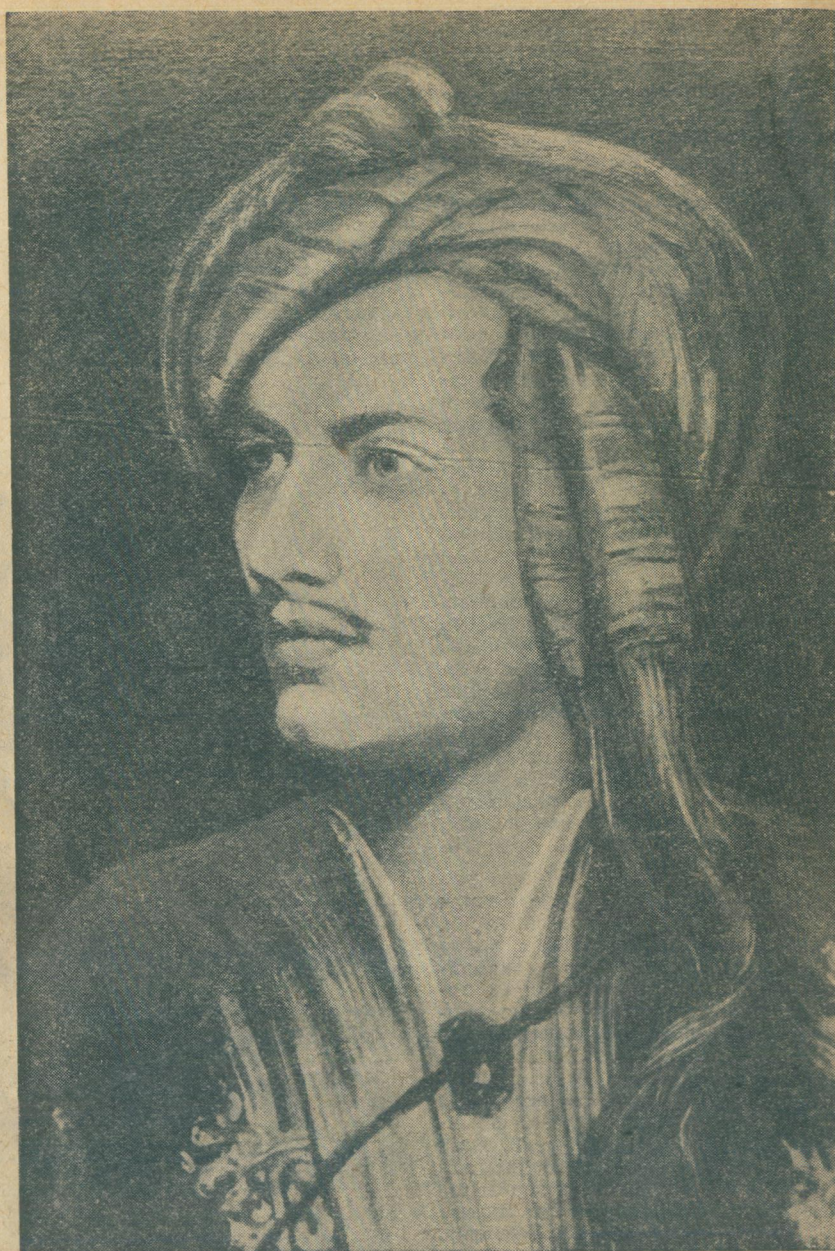
Вдали от родины, которую Байрон ненавидел и любил одновременно, сраженный смертельной болезнью, он погиб в 36-летнем возрасте. Тело Байрона перевезли по волнам океана в Лондон, и там начались «загробные муки». Интриги духовенства, козни великосветских шелопаев, осмеянных Байроном, привели к тому, что гроб с прахом великого поэта сперва пролежал в доках под Лондоном, потом в течение десяти дней в чьей-то частной квартире, и, наконец, когда ему был закрыт доступ под своды Вестминстерского аббатства, где покоятся великие люди Англии, — Байрон был погребен в бедном местечке, в скромной приходской церкви близ Ньюстеда.

Смерть великого поэта-гражданина произвела огромное впечатление во всем передовом мире. Гёте прославил Байрона в своем «Фаусте», Гейне в прочувствованном стихотворении отразил печаль передовой немецкой молодежи. Скорбел о смерти Байрона Пушкин. А в противоположном лагере — в лагере реакции, застоя, клерикализма и старого порядка — шло ликование по поводу того, что Европа монархии и абсолютистского режима избавилась от опаснейшего врага.

Недолгая жизнь Байрона прошла в непрестанной вражде с ненавистной ему моралью английского общества, окружавшего его враждебностью, сплетнями и унижением. И, бежав от этого общества, затравленный, подобно нашим Пушкину и Лермонтову, Байрон предпочел найти смерть в бою за свободу чужой родины. В своем последнем стихотворении, написанном в Греции в день рождения поэта 22 января 1824 года, Байрон предсказал свою близкую гибель и наметил весь свой творческий путь — от «мировой скорби» к активной борьбе за дело свободы:

Встань! Уж Греция встала.
Встань, мой дух, уразумей,
Откуда ты принял начало, —
И — в бой смелей!

Жаль юности? — тогда к чему же
Тебе и жить? — За славный край
Иди на битву с силой мужа,
И жизнь отдай!

Джордж Гордон Байрон в албанском костюме. 1813 год

К. Пигарев

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ

Страстная и мятежная поэзия Байрона, в полном смысле слова — поэзия «бури и натиска», гораздо раньше получила свое признание за пределами Англии, чем на родине поэта. В истории мировой литературы с именем Байрона связано целое течение, в той или иной мере охватившее большую часть европейских стран. Крупнейшие поэты Запада, пытаясь «разгадать» гениального британца, создали легендарный поэтический образ Байрона. Старик Гёте, «знаменитый Гёте», которому Байрон посвятил одну из своих трагедий, считал своего английского собрата «единственным великим поэтом современной эпохи», а когда Байрон умер, воспел его во второй части «Фауста» в лице рано погибшего юноши Эвфориона.

В Россию Байрон пришел на ру-

беже двадцатых годов, в одежде, скроенной его французскими переводчиками. Но «бледные выписки французские», «дурная проза французская» не помешали русским читателям Байрона восклицать в пылу восторга: «Что за скала, из коей бьет море поэзии!» (П. А. Вяземский) и удивляться «дивной глубине его чувств и мыслей» (В. К. Кюхельбекер).

Что же принес с собою этот английский чародей, заворотивший умы двух поколений — поколение Вяземского и Пушкина, поколение Лермонтова и Герцена?

В самую темную пору мировой реакции он создал культ гордой неукротимой личности: от разуверившегося во всем скитальца Чайльд-Гарольда до богоборца Кайна, через все его произведения прошел один во многих лицах об-

раз мятежного героя-одиночки в его столкновении с обществом, в борьбе с коренными вопросами бытия. В годы, когда народные судьбы решались на европейских конгрессах священным «союзом государств против народов», Байрон в своих художественных созданиях выступил с проповедью национальной независимости. Революционное движение, закипавшее под ледяной корой международной реакции, нашло в лице Байрона своего верного союзника. «Беглец родного края», гонимый лицемерной и ханжеской Англией, открыто примкнувший к итальянским карбонариям, отдавший свои средства и последние жизненные силы делу национального возрождения Греции, — Байрон стал как бы знаменосцем всего, что было передового и жизнеспособного в тогдашней Европе. Байрон был не только «властителем дум» (как сказал о нем Пушкин), но и выразителем дум современного поколения. По мнению даровитого поэта Д. В. Веневитинова, Байрон «в пламенной душе своей сосредоточил стремление целого века. Все произведения Байрона носят отпечаток одной глубокой мысли, — мысли о человеке в отношении к окружающей его природе, в борьбе с самим собой, с предрассудками, врезавшимися в его сердце, в противоречии с своими чувствами».

Для понимания того, что ценили в Байроне его русские почитатели, очень важны высказывания князя П. А. Вяземского, этого «декабриста без декабрия», по меткому определению современного исследователя. Критикуя «нежащегося на облаках» Жуковского, Вяземский пишет своему другу А. И. Тургеневу: «...у Жуковского все душа и все для души. Но душа, свидетельница настоящих событий, видя эшафоты, которые громоздят для убийства народов, для зарезания свободы, не должна и не может теряться в идеальности Аркадии. Шиллер гремел в пользу притесненных; Байрон, который носит в облаках, спускается на землю, чтобы грянуть негодованием в притеснителей, и краски его романтизма сливаются часто с красками политическими. Делать теперь нечего. Поэту должно искать иногда вдохновения в газетах» (1821 год). Самому Жуковскому, путешествовавшему за границей с царской семьей, он писал: «Посвяти пламень свой правде и брось служение идолам. Благородное негодование! вот современное вдохновение!.. Страшусь за твою царедворную мечтательность. В наши дни союз с царями разорван: они сами потоптали его. Я не вызываю бунтовать против них, но не знаясь с ними. Провидение загло в тебе огонь дарования в честь народу, а не на потеху двора».

Ответом Жуковского на увещания друзей, боявшихся, что его поэтический талант зачахнет в придворной теплице, был изумивший современников перевод байроновского «Шильонского узника». Жуковский и Байрон — трудно, казалось бы, найти двух поэтов столь противоположных. И все-таки Жуковский не мог устоять перед его обаянием. Еще в 1819 году А. И. Тургенев писал Вяземскому, что Жуковский «бредит» и «питается» Байроном. И позднее, страшая этого «духа отрицания, гордости и презрения», он, тем не менее, не может не признать, что «Байрон сколь ни тревожит ум, ни повергает в безнадежность сердце, ни волнует чувственность, его гений все имеет высоту необычай-

ную (может быть, от того еще губительнее сила его поэзии), мы чувствуем, что рука судьбы исторгнула создание благородное и что он прямодушен с своей всеобъемлющей ненавистью...»

В русских правительственных кругах Байрон — «безбожник-стихотворец», «гений зла» — не был в чести. Вот, например, что писал о Байроне Д. П. Рунич, один из гонителей просвещения дней Александровых печального конца: «Кто заразится бреднями Байрона, — таковой погиб навеки... Прославлять поэзию Байрона есть то же, что

век» Байрона? Вот хлещет всех жильцов по этажам глупости, начиная от низменных Красовских¹ до тех, которые уж выше, кажется, нельзя!»

Впрочем, не острополитические сатиры Байрона, как «Видение суда» или «Бронзовый век», пользовались наибольшим успехом в России. Зачитывались главным образом не теми созданиями Байрона, в которых его протестующая муза откликалась на злобу дня, а теми, где она выражала «стремление целого века» в художественных образах, окутанных мглой романтиз-

краски! Тут Байрон вознесся до невероятной степени: он стал тут и выше пороков и выше добродетелей».

Имя Рылеева в ряду поклонников Байрона заставляет вспомнить и о других декабристах. Культ Байрона в той или иной форме был присущ большинству из них. Они пронесли его через мрачную тишину казематов, через «каторжные норы» Сибири. Для одних Байрон был предметом безраздельного почитания, «властителем дум» в полном смысле слова. Другие, оспаривая его первенство в ряду мировых гениев, признавали за ним значение гражданского поэта по преимуществу. Еще в 1823 году В. К. Кюхельбекер, лицейский товарищ Пушкина, отдавал предпочтение «эпическим» и «всеобъемлющим» Гомеру и Шекспиру перед «однообразным» и «лирически страстным» Байроном, но тут же оговаривался, что «Байрон об руку с Эсхилом, Дантом, Мильтоном, Державиным, Шиллером — и, прибавлю, с Тиртеем, Фемистоклом и Лионидом перейдет, без сомнения, в дальнейшее потомство». Перейти в потомство рука-об-руку с певцом воинственных песен, вселявших мужество в соотечественниках, с величайшим военачальником древней Греции и со спартанским героем, павшим в борьбе за родину, — не отказался бы и сам Байрон.

Смерть Байрона в героической обстановке национально-освободительного движения в Греции встретила живейший отклик в России.

Уже в течение нескольких лет «славный поэт английский лорд Байрон» был в центре внимания русской печати. С 1819 года журналы и альманахи печатают стихотворные и прозаические переводы из Байрона, пересказы его новых произведений, статьи об его творчестве. Байрон сам становится как бы литературным героем. Так, например, в 1822 году в «Сыне отечества» появляется стихотворение неизвестного ныне Габбе «Байрон в темнице», написанное под впечатлением ложного слуха о заточении Байрона в Италии. Особое внимание вызывает его деятельность в Греции. Появляются сообщения о том, что «известный поэт лорд Байрон предложил свое имя в пользу греческого народа». Кончина «незабвенного певца британского», «великого Байрона» повлекла за собою еще большее оживление интереса к его личности. От прокламации временного греческого правительства по поводу смерти и похорон Байрона русские журналы переходят к перепечатке воспоминаний о нем его друзей, к стихам иностранных поэтов, посвященным его памяти. Имя Байрона долго не сходило со страниц русской современной печати.

Яркое отражение нашла смерть Байрона в письмах и дневниках современников. «Хочешь ли слышать новости? — спрашивает В. Ф. Одоевский В. К. Кюхельбекера, — одна ужасна: лорд Байрон умер». «Чуть не плакал по Байроне», — заносит в свою памятную книжку 25 мая 1824 года декабрист А. А. Бестужев, известный под псевдонимом Марлинского, байронист-прозаик. Спустя несколько месяцев он будет спорить с Грибоедовым о сравнительном значении Гёте и Байрона. Не раз цитированный здесь Вяземский призывал своих друзей Жуковского и Пушкина помянуть Байрона стихами: «Какая поэтическая смерть — смерть Байрона! Он предчувствовал, что прах его примет земля, возрождающаяся к свободе, и убежал от темницы

Джордж Гордон Байрон. Генуя. Май 1823 года
Худ. А. Д'Орсей

выхвалить и превозносить убийственное орудие, изобретенное на погибель человечества». В письмах императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, мы находим упоминание о любопытном споре, бывшем у нее с мужем под свежим впечатлением смерти Байрона: в ее глазах Байрон был лишь «человеком заблуждавшимся», тогда как, по мнению ее собеседника, он был «в корне испорченным». Конечно, Александр I не мог не знать своего сатирического изображения в «Бронзовом веке» Байрона, появившемся за год до этого спора.

Об этом самом произведении Вяземский писал своему всегдашнему корреспонденту А. И. Тургеневу: «Читал ли ты «Бронзовый

ма. Такими произведениями Байрона были «Паломничество Чайльд-Гарольда», так называемые восточные поэмы, наконец «Дон-Жуан». От «пламенного демона, который создал Гяура и Чильд-Гарольда», «с ума сходил» молодой Пушкин и, по собственному признанию, подражал ему в своих «южных» поэмах. Вершиной байроновского творчества он считал, однако, «Дон-Жуана». «Что за чудо Дон-Жуан!», — восклицает он в одном из своих михайловских писем. Пушкину вторит К. Ф. Рылеев: «Как велик Байрон в следующих песнях Дон-Жуана! Сколько поразительных идей, какие чувства, какие

¹ Вяземский употребляет здесь в нарицательном смысле имя одного из самых тупых петербургских цензоров.

Дом Пашкова в XVIII веке. В настоящее время в нем помещается книгохранилище мирового значения — Библиотека имени Ленина

Старое здание Библиотеки имени Ленина

П. Кириллов

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ ЛЕНИНА

Всем нам хорошо памятна нападки Фамусова на «ученье» и «ученость», его иступленные призывы «забрать все книги бы, да сжечь» и успокоительные заверения Скалозуба, что в недалеком будущем книги будут сохранены лишь... «для больших okazji».

В своей гениальной комедии Грибоедов показал характерное для выведенной в ней среды отношение к науке, к просвещению. По счастью, не в силах Фамусовых и Скалозубов было помешать развитию русской культуры, и та же среда, уродливой, но типичным порождением которой они были, выдвигала в противовес им подлинных деятелей науки, искренних друзей книги. Таков был Николай Петрович Румянцов, из библиотеки которого выросло богатейшее книгохранилище мира.

Сын известного полководца екатерининской эпохи графа П. А. Румянцева-Задунайского, сам государственный деятель и сановник, он принадлежал к числу образованных русских людей конца

XVIII и начала XIX столетий. Научные занятия и коллекционерство Румянцева не были «меценатством» вельможи, не знающего, куда девать деньги. Он сочетал в себе мецената и ученого. Век энциклопедистов наложил свою печать и на Румянцова. Энциклопедизм его знаний обусловил некоторую разбросанность его собирательской деятельности. Однако за кажущейся бессистемностью его увлечений отчетливо выступают основные веши его интересов: в конечном счете, хотя часто окольными путями, они ведут к истории нашей родины.

Румянцов сам ничего не писал, но он сумел объединить вокруг себя выдающихся ученых. С его именем связано начало изучения историографии и этнографии в России. Стараниями Румянцева было осуществлено издание целого ряда памятников русской истории и культуры, как, например, «Собрание государственных грамот и договоров» или «Древние российские стихотворения Кириши Данилова»,

первое научное издание русских исторических песен и былин. Живо интересовался Румянцов и лингвистикой: ему принадлежит мысль об издании грузинского словаря с латинской транскрипцией.

Румянцов не раз высказывал желание, чтобы собранные им коллекции, состоявшие из предметов этнографии, древности и археологии, нумизматического и минерало-

В виду неуклонного роста библиотеки нахождение ее под одной кровлей с несколькими, в сущности, самостоятельными и органически не связанными с нею учреждениями, образовывавшими «Московский публичный и Румянцовский музей», с течением лет явилось сильным тормозом ее развитию. Накопившиеся книжные фонды лежали мертвым капиталом, так как их не где было разместить. Лишь после революции было осуществлено разделение музейных коллекций и передача их соответствующим учреждениям. При этом этнографическое собрание Румянцовского музея легло в основу Музея народного искусства. На территории «Пашковской усадьбы» остались библиотека, отдел рукописей и отдел гравюр, как непосредственно связанные с историей книги и техникой полиграфического производства.

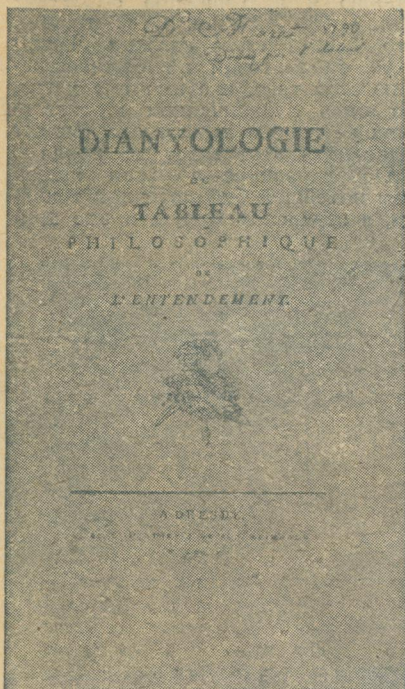
Послереволюционные годы знаменуют новую эпоху в жизни библиотеки. Она развивается не только в крупнейшую публичную библиотеку, но и в настоящий научно-исследовательский институт по всем вопросам, соприкасающимся с книговедением.

В 1925 году Румянцовская библиотека получает новое наименование: «Всесоюзная публичная библиотека имени Ленина».

В сохранившейся до нашего времени старой регистрационной книге читального зала Румянцовского музея среди имен разных читателей записана фамилия В. И. Ульянова. На пути в ссылку в Минусинск в 1897 году Владимир Ильич в течение трех дней посещал читальный зал музея. И позже, будучи председателем Совета народных комиссаров, Ленин не раз обращался в библиотеку. Здесь воспроизводится составленный им список разных книг, которые были нужны ему для работы — «для справок на 1 день», при чем вверху того же листка приписано: «Если, по правилам библиотеки, справочные издания не выдаются на дом, то нельзя ли получить на вечер, на ночь, когда библиотека закрыта. Верну к утру». Последняя фраза подчеркнута четыре раза.

В настоящее время Библиотека имени Ленина является одной из величайших мировых библиотек. Ее книжные фонды достигают восьми с половиной миллионов томов. Ежегодно в Ленинскую библиотеку поступает около полумиллиона книг. Основным источником поступлений служит двойной обязательный экземпляр всей печатной продукции СССР: книг, журналов, газет, листовок, плакатов и т. п. Однако спрос, предъявляемый читателями на некоторые издания, например, произведения классиков марксизма-ленинизма, сельскохозяйственную и техническую литературу, настолько велик, что библиотека не может ограничиться этими двумя экземплярами и нередко приобретает до десяти экземпляров таких изданий. Огромные средства, отпускаемые на пополнение библиотеки, позволяют ей уделять большое внимание «пробелам» своих старых фондов. Значительный процент книжных поступлений падает и на книгообмен. Ленинская библиотека связана книгообменом с сорока странами.

За двадцать лет, миновавших со дня Великой Октябрьской революции, в семь раз увеличился книжный фонд библиотеки (в 1917 году в ней числилось 1 200 тысяч томов). Непрерывно растет также и количество читателей. До революции рекордной цифрой считалось 15 262 человека в год. В 1937 году зарегистрировано больше 46 тысяч чи-

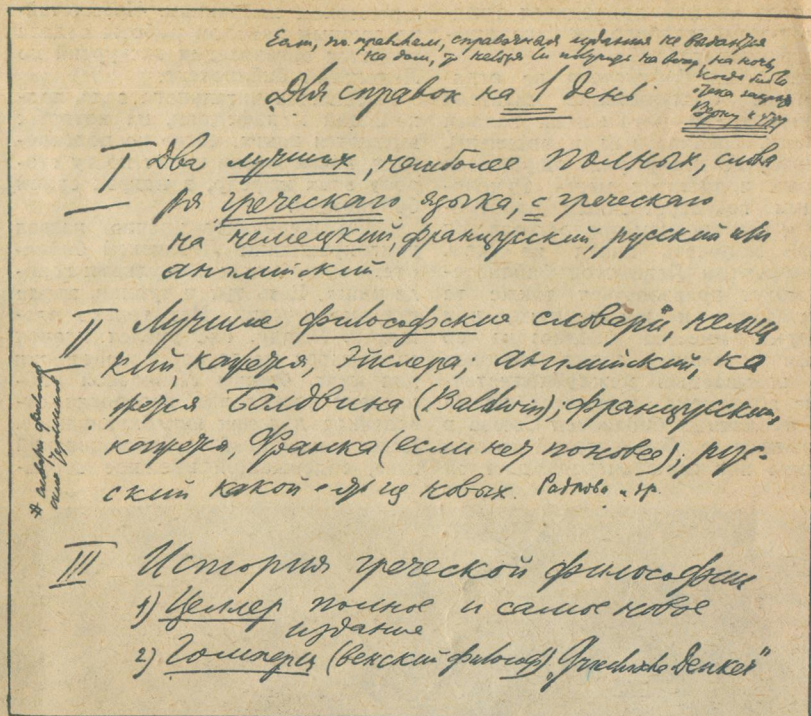
Книга из библиотеки деятеля Французской революции — Марата, находящаяся в Библиотеке имени Ленина

гического собрания и, наконец, ценнейшей библиотеки в 28 512 томов, не считая 717 рукописей и старопечатных книг, были превращены в музей «на пользу отечества и благого просвещения». 3 (15) января 1826 года Румянцов умер, и желание его было исполнено.

Свыше тридцати лет «Румянцовский музей» находился в Петербурге, в стадии бесплодного прозябания. Средства на его содержание отпускались крайне скудные. Музей совершенно не развивался. По справедливому замечанию его историка, «эпоха нужды и лишения началась для Румянцовского музея с самого его возникновения».

В 1861 году, в связи с учреждением в Москве Публичной библиотеки, последовало решение о переводе Румянцовского музея в Москву, где коллекции его были размещены в одном из красивейших зданий города — «Пашковской усадьбе» на Моховой.

«Нужда» и «лишения» не покинули Румянцовского музея, и в частности библиотеки, и с переводом его в Москву. Между тем именно библиотека очень скоро показала себя самой жизненной частью музея. Как ни тяжелы были условия ее существования (до 1912 года библиотека не имела бюджетных средств на приобретение книг!), она не переставала расширяться и мало-по-малу завоевала почетное место в ряду других публичных библиотек. Путем пожертвований или завещаний поступали в Румянцовский музей обширные и ценнейшие книжные собрания известных любителей книги, ученых, писателей. Другим источником пополнения библиотеки был «обязательный экземпляр» русской книжной продукции, доставлявшийся в Румянцовский музей с 60-х годов.

Автограф записки В. И. Ленина в Румянцовский музей

Книгохранилище библиотеки

тателей, при чем в среднем на каждого из них приходится тридцать восемь требований. Эти цифры говорят за себя.

Ленинская библиотека не ограничивает обслуживание читателя своими тремя читальными залами (общим, специальным и военным), в которых давно уже ощущается острый недостаток места. Руководящим государственным работникам и стахановцам предоставляется право получать книги на дом. Абонементом Ленинской библиотеки могут пользоваться также те учреждения и предприятия, при которых имеется библиотека со своим читальным залом. Наконец так называемый междубиблиотечный абонемент связывает целый ряд публичных библиотек Союза и за границы с Библиотекой имени Ленина и в свою очередь дает ей

шинами, литературным юбилеям, политическим кампаниям. Чрезвычайно важным методом работы отдела является организация экскурсий по Ленинской библиотеке.

Посетитель читального зала, подходящий к кафедрам, на которых выдаются книги, часто не подозревает, какая жизнь кипит по ту сторону этих кафедр, в недрах самой библиотеки.

Один журналист удачно назвал книгохранилище Ленинской библиотеки «улицами и переулками города книг». Есть тут и тупики, вроде старомосковских. Нет только площадей. Всюду, где уцелел клочок свободного места, прилажены полки для книг. Фонды Ленинской библиотеки уже давно переросли отведенное для них книгохранилище. Даже нарядный «Румянцовский зал», содержащий книжное собра-

миллиона рукописных единиц. Рукописи греческие, латинские, арабские, персидские, китайские, собственноручно написанные произведения великой жертвы инквизиции — итальянского философа Джордано Бруно. Но основное богатство отдела составляют рукописи славяно-русские. Древнейшей из них является так называемое «архангельское» евангелие, относящееся к 1092 году. Исключительный интерес для истории русской культуры представляют рукописные собрания монастырей, игравших видную роль в древней Руси; таковы библиотеки Троицкой лавры и Волоколамского монастыря.

В читальном зале Отдела рукописей осторожно перелистываются драгоценные страницы книг, разукрашенные древними писцами, пожелтевшие черновые тетради Пуш-

такой библиотеки, как Ленинская. Нужно «видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописей X века, а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу, сколько книг роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой...» (В. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 529). Многие сделано Ленинской библиотекой по осуществлению слов того, чье имя она носит, но лишь с окончанием строительства ее нового здания она сможет выполнить этот завет до конца.

Оборудованное по всем правилам новейшей библиотечной техники, в недалеком будущем оно при-

Строящееся здание Библиотеки имени Ленина. Вид с Моховой улицы

Фото Б. Фишмана (Союзфото)

возможность выписывать недостающие книги во временное пользование. Большую помощь читателю оказывает Ленинская библиотека через свое справочное бюро, научно-библиографический отдел и отдел массовых мероприятий. Последний служит связующим звеном между Ленинской библиотекой и подшефными ей заводами—«Красный текстильщик» и заводом имени Сталина. При заводе имени Сталина имеется филиал Ленинской библиотеки, численности книг которого могут позавидовать многие библиотеки. На отделе массовых мероприятий лежит популяризация библиотечного дела через доклады, консультации, выставки, печать, радио и т. д. В стенах самой библиотеки в общем читальном зале или на так называемой «стахановской площадке» — отдел постоянно устраивает небольшие, но содержательные выставки, приуроченные к историческим годов-

ние родоначальника библиотеки, застроен временными сооружениями для книг. И среди всех этих лабиринтов снуют привыкшие к их причудливым извилинам сотрудники, достающие книги для читателей. Там и сям видны уборщицы с пылесосами, на обязанности которых лежит охрана здоровья книги.

Непрерывный рост библиотеки чувствуется во всем. Вот отдел каталогизации. За горами книг не видно людей. Они кажутся лилипутами в стране великанов. Вот отдел национальной литературы, один из молодых отделов библиотеки. Он насчитывает в настоящее время уже 250 тысяч томов. А сколько народов, населяющих необъятные просторы нашей страны, до революции не имели своей письменности!

Переступая порог Отдела рукописей, мы входим в одну из основных сокровищниц Ленинской библиотеки. В нем хранится свыше

кина, запутаннейшие корректуры Л. Н. Толстого.

Сокровища Отдела рукописей Ленинской библиотеки заслуживают специального очерка, так же как и Отдел редких и старопечатных книг. Здесь сосредоточено ценнейшее собрание инкунабулов (книг, изданных до 1500 года), паплетированных (изданий первой половины XVI века), альдин (изданий XV—XVI веков, венецианского типографика Альда Мануцио и его наследников), эльзевиров (изданий знаменитой голландской фирмы Эльзевиров XVI—XVIII веков), редчайшие образцы русской гражданской печати эпохи Петра I, множество русских и зарубежных изданий, славящихся своим художественным оформлением, наконец, книги с автографами.

Однако, как ни заманчив один только перечень подобных редкостей, не они должны составлять действительную славу и гордость

мет в свои стены многомиллионных переселенцев из бывшей «Пашковской усадьбы». Громадные корпуса нового здания Всесоюзной библиотеки имени Ленина уже освобождаются от лесов. Свыше полторы тысяч читателей смогут одновременно работать в его залах.

Но старое здание библиотеки, с честью отслужившее свою службу, не будет покинуто ее прежними обитателями. Там на просторе развернутся отделы рукописей и редких книг, читальные залы для детей и подростков.

В дальнейшем квартал, ограниченный соседними улицами, будет освобожден от жилых домов и застроен подсобными учреждениями Ленинской библиотеки: типографией, переплетной и ремонтной мастерскими и т. п. Тогда уже не узкие переходы между полками книгохранилища, а настоящие улицы станут в полном смысле слова улицами города книг.

1916 ГОД

В конце 1916 года, во время германской войны, штурман Александр Бестужев, только что окончивший морское училище, был отправлен на Аландские острова во флотилию миноносцев.

Зима стояла очень теплая. За Ревелем море было уже свободно ото льда. Бестужев долго смотрел с палубы транспорта на затянутые сумерками берега, — там, в Ревеле, осталась мать. Она приехала из Петрограда проводить сына и остановилась в недорогой гостинице.

Отец Бестужева, корабельный инженер, давно умер. Мать жила на пенсию. Она помогала своим сестрам — теткам Бестужева, и пенсии всегда не хватало. В одном Петрограде было три тетки. Кроме того приходилось посылать деньги одной тетке во Владивосток и другой в Киев.

Все тетки были или старые девы или вдовы, с кучей детей на руках. Семья была дружная. Тетки давали уроки музыки и французского языка. Они всегда торопились, беспокоились, охали, бегали по лекциям Поссе и по библиотекам, умилялись на концертах, вечно кого-нибудь жалели и кому-нибудь помогали.

Почти все тетки были женщины добродушные и некрасивые. Это, по словам матери Бестужева, «разбивало их личную жизнь». Одна тетка прекрасно пела, у нее был оперный голос, но на сцену ее не взяли из-за близорукости. Без пенснэ она слепла и делалась беспомощной, как ребенок, — куда же такую на сцену.

Но несмотря на некрасивость у всех теток были в молодости жестокие увлечения и романы. Герои этих романов давно облысели, женились, заведывали департаментами и командовали полками, но тетки при случайных встречах с ними на улице вспыхивали, как инстинкты, а потом прибегали к матери Бестужева, запирались с ней в ее комнате и долго плакали.

— За что бог наградил меня такими дурами! — в сердцах кричала за дверью мать, но Бестужев знал, что она притворяется.

Сестры не могли жить друг без друга. Мать Бестужева считалась их общей утешительницей. Она была добра, рассудительна и называла себя революционеркой. Когда-то она дружила с Верой Засулич.

Но тетки были отходчивы. Через час после слез они уже возмущались за обеденным столом министром народного просвещения, тупицей Кассо и, поблескивая пенснэ и волнуясь, рассказывали о последнем поэзо-концерте Игоря Северянина.

Как и у каждой семьи, у Бестужевых было свое семейное предание. Когда Александр подрос, мать рассказала ему, что его дед Павел

Бестужев спас от казни одного из декабристов и был убит на дуэли в Финляндии.

Тогда же мать достала из комода и показала Бестужеву небольшой портрет молодого военного, сделанный акварелью. Бестужев долго его разглядывал. Бледный офицер, с пригожим и печальным лицом, стоял, опираясь на саблю, в дверях пустого зала. На офицере был черный мундир. Позади за стеклами дверей висели в небе белые облака и стояли сады, покрытые старинной серой дымкой. От портрета почему-то оставалось впечатление одиночества.

Бестужев знал со слов теток и матери, что дед был честен, правдив, и что его разжаловали в солдаты за оскорбление великого князя — сына императора Павла. Но Бестужев не очень верил семейным преданиям. К своим восторженным теткам он относился снисходительно и даже насмешливо.

Александр Бестужев, по словам теток, весь пошел в отца. Тетки звали его увальнем и возмущались тем, что мальчик чрезмерно увлекается научными книгами и сидит по ночам над чертежами географических карт, вместо того, чтобы зачитываться Тургеневым и декламировать стихи Фета.

Когда Бестужев получил назначение на Аландские острова и уезжал с матерью из Петрограда в Ревель, все тетки пришли провожать его на Балтийский вокзал.

Морские офицеры, ехавшие в одном вагоне с Бестужевым, иронически поглядывали на стайку щебечущих старушек, окружавших Бестужева. Тетки крестили его, давали ему много советов, роняли от волнения пенснэ и сумочки. Бестужев краснел и с нетерпением ждал третьего звонка.

Но когда поезд тронулся, он рассердился на себя, на свой стыд за теток перед офицерами и молчал всю дорогу.

В Ревеле в тесном номере гостиницы, где отобили старые ковры, бархатных портьер и занавесей на окнах воздух казался тусклым и зеленым, мать Бестужева, сидя на диване, сказала ему:

— Саша, ты поищи, милый, на Аландских островах какие-нибудь следы деда Павла. Все-таки интересно.

— Хорошо, мама.

Мать перед этим плакала, и Бестужев был рад, что она отвлеклась от мысли о войне и вспомнила про деда.

В Ревеле во время войны было запрещено зажигать свет в домах, если на окнах не были опущены шторы. Они сидели в темноте, и старинный город за окнами был очень сумрачен и тих. Зеленые звезды горели над ним в ве-

черном небе и с улиц доносился стук колес и голоса прохожих.

— Никогда я не думала, — сказала мать, — что буду так вот сидеть с тобой, молодым моряком, где-то в ревельской гостинице и провожать тебя на войну. Чем все это кончится, Саша?

Мать печально вздохнула.

В дверь постучали. Вошел портьер, — лысоватый, похожий на сыщика. Он быстро обошел глазами комнату и доложил, что по старой традиции владелец гостиницы ежегодно устраивает для своих жильцов, оторванных от родного дома, рождественскую елку. Владелец гостиницы просит всех сойти в зал, где елка уже зажжена и господа жильцы могут получить подарки.

Бестужев с матерью спустился в зал. Золотой жар разноцветных свечей наполнял его. Окна были наглухо завешаны. От духоты кровь тяжело билась в висках.

Елку так густо украсили стеклянными бусами, бумажными цепями, флажками союзных держав и золотыми орехами, что почти не было видно ее темной хвои. Елка стала похожа на дорогую куклу в розовых кружевах и сборках. Круглые мраморные столики стояли вокруг нее. За ними сидели блестящие морские офицеры и женщины в балльных нарядах.

Черное старенькое платье матери Бестужева выделялось среди шелкового сияния и горячего света, как суровая нищенская заплата. Мать стеснялась. Они сели в углу за крайний столик и долго ждали, пока официант подошел к ним и сунул на стол длинный список кушаний.

— Я выберу сама, Саша, — робко сказала мать и взяла карточку.

Денег было немного, и она боялась, что сын, чтобы порадовать ее, закажет что-нибудь слишком дорогое.

Официант фыркнул, не стал ждать и отошел к соседнему столу. Там сидел плотный черноробордый капитан первого ранга. Глаза у него были выпуклые и холодные. Он водил ими по сторонам и с одинаковым выражением безразличия смотрел и на официанта, и на Бестужева, и на свою даму — пышную и густо напудренную блондинку в лиловом атласном платье.

Мать заказала чай с пирожными. Официант долго не подавал, и ждать за пустым столом было тяжело и почему-то стыдно, как на скамье подсудимых.

Молоденький мичман подсел к роялю, ударил по клавишам и запел, гасируя:

Дитя, не тянися весною за розой,
Помни, что летом фиалок уж нет...

Мичман зажал папиросу в углу рта, небрежно поморщился и заиграл сладкий затихающий пассаж.

Мать Бестужева встала из-за стола, ридикюль у нее раскрылся и из него выпал на ковер скомканный носовой платок. Он был еще сырой от слез.

Капитан с выпуклыми глазами подозвал официанта, ткнул коротким пальцем в сторону столика Бестужева и сказал:

— Уберите это!

Официант не понимал и вопросительно, заискивая, смотрел в безразличное лицо капитана.

— Что прикажете? — спросил он, согнувшись.

— У вас под столиками валяются тряпки, — сказал раздражаясь капитан и начал краснеть. — Безобразие!

Женщина в лиловом платье быстро заморгала глазами. Официант подошел, поднял скомканный носовой платок и почтительно положил его на стол около матери Бестужева.

— Обронили, — сказал он тихо и пятясь отступил.

Бестужев смотрел на капитана, руки у него холодели и лицо чернело от гнева.

— Саша, — сказала мать, — успокойся. Ради бога, успокойся.

Капитан жадно ел, не обращая на Бестужева никакого внимания. Он сочно жевал, и черная его борода ерзала по синеватой хрустящей салфетке, заткнутой за тугую крахмальный воротничек.

— Пойдем отсюда, — сказал Бестужев матери. — Нам нечего делать здесь среди этих...

Голова у матери затряслась от страха за сына.

Бестужев смолчал. Они вышли. Только на лестнице Бестужев договорил начатую фразу:

— Нам нечего делать среди этих скотов. Голубая остзейская кровь. Мало их топили в Кронштадте в пятом году.

Мать замахала на него руками...

Уголок пушкинских сказок в Измайловском парке культуры и отдыха
Фото Ю. Амурского. Экспонат 1-й Всесоюзной выставки фотоискусства

ЧУМНЫЙ РЕЙС

Рассказ

Пароход «Тургенев» шел под командой капитана Грохотова из Владивостока в Чифу с пассажирами-китайцами. Вскоре после выхода в море на «Тургеневе» был обнаружен больной китаец. Через сутки он на глазах у всех стал корчиться, кровь хлынула у него горлом, и он умер на трюме, подогнув ноги к самому животу. Сомнений не оставалось. Это была чума. Пассажира похоронили согласно морскому обычаю — бросили мертвое тело за борт. Ко дню прихода в Чифу на борт «Тургенева» появилось еще четверо чумных. Заболел и находившийся среди пассажиров врач-китаец. Он сначала горячился, уверял, что это не чума, пускал заболевшим кровь, говорил, что болезнь не опасна. Но умер сам, не прожив и двух суток.

Портовый врач, едва узнав о том, что на «Тургеневе» чума, трусливо сбежал по парадному трапу на катер. Два подошедших полицейских катера, вооруженные пулеметами, не разрешили никому сойти на берег и не допускали никого на борт «Тургенева». Корабль был предоставлен самому себе. Берег не оказал ему никакой помощи. Напрасно капитан просил портовые власти снять пассажиров и помочь дезинфицировать судно. Капитану во всем было отказано. Оставалось одно: вымирать всем на корабле. Китайцы так и говорили «тургеневцам»:

— Напрасно ваша беспокойсь! Наша вся умирай и ваша вся умирай! Напрасно ваша беспокойсь!

«Тургенев» стоял на внешнем рейде. Вдалеке виднелся небольшой портовый оживленный город. Суда входили в порт и выходили из него. А «Тургенев» стоял под пулеметами катеров.

Китайцы заболевали и умирали в разных уголках кормовой части корабля. Ходили слухи о том, что уже двенадцать мертвых на пароходе. Попрежнему вокруг «Тургенева» курсировали два катера с пулеметами. Портовое начальство предложило сжигать мертвецов в топках. Но это было неприемлемо. Кто стал бы рубить на части скрюченные тела погибших от чумы, чтобы втиснуть их в топки? Капитан предложил представителям власти, находившимся на катерах, разрешить ему выйти на «Тургеневе» далеко в море, выбросить за борт мертвецов. И в этом было отказано. Власть заявила: «Рыба поест тела чумных, а китайцы поймают эту рыбу, съедят ее и заболеют».

На головном катере ежедневно появлялся англичанин — начальник порта с расшитым козырьком. Капитан заявил ему, что пассажиры требуют спустить их на берег, иначе они силой завладеют судовыми шлюпками. Тут начальник несколько уступил и обещал высадить вскоре пассажиров на пустынный остров близ порта.

Китайцы кланялись и благодарили

ли начальника; прощаясь с капитаном, они повторяли: «Наверное мы все будем скоро помирать! Наша думай, что ваша тоже будет вся помирать!»

Об этом китайцы говорили, как о чужой беде. Их будто ничто не волновало. Один старик-китаец в отках поставил себе на корме отдельную палатку и, попивая вино, спокойно философствовал:

— Чума — это пустяки! Ее боятся только европейцы! Китайцам она не страшна!

Бочаров — старший помощник капитана — тяжело переживал несчастье, постигшее корабль. Он любил китайский народ. Еще в детстве у него были друзья китайцы. Прислуга на «Тургеневе» была вся китайская. И когда капитан решил отделить пассажирам кормовую часть судна, то среди других предстояло и китайцу Васе — уборщику уходить на корму. Мальчику было всего лет восемнадцать. Он был честен, чистоплотен, аккуратен и трудолюбив. И вот с заплаканными глазами он пришел к Бочарову просить защиты. Он умолял не переводить его на корму. Переход на корму от русских к китайцам Вася считал для себя смертным приговором. Он был уверен, что там его съест чума.

Бочаров пошел к капитану. Тот выслушал его и взволнованно замахал руками. Это значило, что все кончено, разговоры с капитаном бесполезны. Тогда штурман вызвался сам кормить Васю, приносить ему с камбуза еду.

— Ведь он никакого общения с больными на пароходе не имел, откуда же ему заразиться чумой? — убеждал капитана настойчивый помощник. — Он обслуживал только экипаж.

Капитан поддался, наконец, угловору. Васю поместили в пустовавшую пассажирскую каюту. Бочаров сам приносил ему еду с камбуза. Вася открывал дверь, улыбался, показывая свои крепкие зубы, и приветливо говорил:

— Сыпасиба, капитана! Шибко хорошо, капитана!

Перед самым отходом «Тургенева» из Владивостока пришла на пароход к Бочарову девушка с голубыми лучистыми глазами. Моряк ждал только своего возвращения во Владивосток, чтобы жениться на ней и зажить своей семьей. Она в слезах просила Бочарова в рейс не идти. Ей снилось накануне, будто она видела в местной газете изображение парохода «Тургенев», помещенное в траурной рамке. Бочаров сну не поверил, да и как было отказываться от рейса. Но сейчас невольно вспомнил о девушке с лучистыми глазами.

— Вот сон в руку! — думал Бочаров, глядя на пустынный остров, видневшийся издалека.

Во время прежних совместных плаваний, в свободные часы Бочаров, бывало, изредка заходил к капитану, чтобы сыграть партию в

шахматы. Старик любил молодого моряка и перед верным своим выигрышем, бывало, говорил, покручивая усы:

— Вот уж на чьей свадьбе я погуляю, как подобает настоящему моряку!

Начальник порта уступил, наконец, просьбам капитана Грохотова и дал баржу на длинном буксире к самому борту «Тургенева». «Тургеневцы» ухватили ее, и началась высадка пассажиров. Китайцы шумно радовались своему отъезду, как спасению. Хоть и верили они в nirвану, а умирать, должно быть, не хотелось никому раньше времени.

Бочаров выгрузил на баржу запас продовольствия для пассажиров, оставивших «Тургенев». Портовый катер забуксировал чумную посудину и повел к пустынному острову, где предстояло высадить всех пассажиров для длительного карантина.

Попрежнему катеры с пулеметами не оставляли нести караульную службу возле «Тургенева». Грохотов попросил начальника порта прислать карболки, известь для дезинфекции и гробы по числу вероятных жертв. Прислали. Но никто с катера на борт чумного парохода не поднялся. Приказано было «Тургеневу»: собрать мертвецов, уложить в гробы, погрузить на баржу, залить ее керосином, вывести на длинном буксире в море и поджечь.

Предстояло самое трудное: розыски на корме трупов зачумленных. По мнению Бочарова для этой работы требовалось отрядить пять человек. Им надо было спешно шить халаты, сделать маски. Когда все было готово, капитан собрал экипаж. Перед выстроившимися во фронт людьми Грохотов сказал кратко:

— Нужно очистить судно от чумных. Требуется люди для этой, не скрою, опасной работы. Предлагаю бросить жребий. В жеребьевке должны принять участие все — от капитана до уборщика. На кого выпадет жребий, тот и пойдет на работу!

Часть экипажа боялась оставаться на корабле, чтобы не заболеть чумой. Некоторые говорили:

— Спустим шлюпки и пойдем на берег. Пусть в нас стреляют! Не все ли равно, как помирать. От чумы скорее умрешь, чем от пули.

Слово попросил Бочаров.

— Я считаю, — сказал молодой моряк, — что жеребьевка проводить не стоит. Тот, кто боится чумы, того силой работать не заставишь. Надо звать добровольцев.

— Правильно! Правильно! — раздался голоса.

— Я, как старший помощник капитана, вызываю первым пойти на это дело и думаю, что среди нашего славного экипажа найдутся твердые люди и последуют, несомненно, моему примеру. Мне нужны четыре помощника.

Грохотов запротестовал. Лицо его побавровело. Впервые на судне старший помощник шел против капитана, да еще какого, против известнейшего моряка Грохотова, воспитателя ряда морских поколений.

Вызвались пойти добровольцами рулевой Жилцов, кочегар Лацит и матрос Соколов. Оставалось подобрать еще только одного человека. Тогда старший механик Ляпин подошел к Бочарову и сказал:

— Раз ты идешь, пойду и я!

Тут не выдержал и сам капитан Грохотов; глаза его блеснули:

— Тогда и я пойду! — решительно заявил старик.

На этот раз Бочаров поменялся с ним ролями и горячо запротестовал сам:

— Геннадий Иванович! Нельзя оставить судно без капитана, старшего механика и старшего помощника. Я людей вызвал. Я от этого не откажусь. Люди пойдут со мной!

Капитан не вымолвил ни слова, смахнул накатившуюся слезу и торопливо, чтобы его больше не видели, зашагал к себе в каюту.

О чем думал старший моряк? Старший штурман его шел добровольно на гибель, в то время как на берегу его ожидали любимая девушка, семейный уют после тяжелого рейса. Грохотов был смелым капитаном. Он слыл знающим и культурным моряком. У него было чему поучиться. Не хотелось штурману Бочарову обижать старика — своего морского учителя, но пришлось так поступить впервые за три года совместных плаваний.

Пообедали в последний раз все вместе в кают-компании, и капитан приказал готовить добровольцев к работе. Сверх своих костюмов каждый одел венцерадо (непромокаемую рубашку из тонкой проолифленной парусины), маску, рукавицы, сапоги. Было тяжело передвигаться. День выдался теплым, и это еще более затрудняло работу. Еще не начав работать, каждый чувствовал на спине прилипшую потную рубашку. Все кроме Бочарова выпили для храбрости немного коньяку и пошли на кормовую палубу. Товарищи провожали их, как на смерть. Уборщик китаец-Вася, стоявший среди провожающих, вдруг не выдержал, закричал что-то по своему, одел валившееся на палубе, не пришедшееся Лациту по росту венцерадо и побежал вслед за Бочаровым.

— Моя — твоя будет помогай! — запыхавшись сказал Вася, догнав Бочарова, и пошел вместе с отрядом искать трупы зачумленных.

Мертвецы валялись на трюмах, в твиндэке, уборных и на камбузе. Ни один не лежал вместе с кем-нибудь и каждого надо было разysкивать подолгу. Скрюченные тела застыли в предсмертных судорогах. Каждое найденное тело обливали раствором карболки, выжимали железными крючьями, чтобы втиснуть в гроб. От работы стало так жарко, что добровольцы сначала сбросили рукавицы, потом сорвали с себя и маски. Люди задыхались в своей плотной одежде.

— Будут они потом три года скитаться — говорил сокрушенно Лацит, кладя мертвого китайца в гроб. — Обидчивый народ покойники: никогда живому ничего не простят.

И потом вдруг засмеялся. Товарищи посмотрели на него. Им показалось, что он хватил лишнего.

От разлитого по палубе раствора стало скользко. Люди утаивали глаза в голубое небо, отдыхали, потом снова продолжали работу. Работали все с одинаковым усердием. Только никто не хотел заколачивать гробы гвоздями. Этим занялся Бочаров. Он не понимал, почему его товарищи отказываются от этой нетрудной работы. Когда был заколочен последний гвоздь, Лацит подошел к Бочарову и сказал:

— Заколачивать гробы — последнее дело, — сам скоро умрешь!

— Раз пошли на такое дело, нечего смерти бояться, — ответил Бочаров.

После четырехчасовой работы все двенадцать гробов были установлены рядами и началась погрузка их на баржу.

Старший механик Ляпсин стоял на лебедке. Бочаров помогал строить гробы. Лацита послали на баржу, принимать гробы и отдавать как после каждого подъема.

Когда гроб шел на баржу, то из него сочилось много карболового раствора и известки. Палуба баржи стала скользкой. С «Тургенева» на баржу давали уже пятый гроб. Бочаров следил за тем, как старший механик Ляпсин, стоя у лебедки, медленно опускал гроб за гробом на баржу. Вдруг штурман увидел, как Лацит поскользнулся и, не удержавшись, упал с баржи в море. Бочаров мигом спустился по концу с парохода. Второпях не почувствовал даже, как обжег руки. Бросил утопающему в воду кормовой тонкий конец. Лацит не показавшись ни разу на поверхности, — ушел, как топор, в воду. Очевидно задохся в своей маске или потерял сразу сознание. Это был лучший пловец на судне.

Стояла безветренная погода. Море было спокойно. Даже не рябила вода. Долго смотрели все на зеркальную воду, думали о том, что, быть может, еще покажется Лацит. Но человек погиб безвозвратно. Так и не нашли его. Лацит плавал в империалистическую войну вместе с Бочаровым на судах добровольного флота. Ходили из Архангельска вместе в Англию и Америку, когда немецкие подлодки топили торговый флот союзников. Гибель человека сильно удручила всех на корабле, но больше всего тех, кто работал рядом с ним по уборке трупов. Каждый думал: человек погиб, как муха в молоке. Быть может, следующий черед будет мой. Но работу надо было закончить несмотря на усталость и подавленность. И работу продолжали с душевной тягостью и болью за погибшего товарища.

Гробы были установлены на барже. Ее залили керосином, подожгли и на длинном буксире потянули к пустынному острову догорать с двенадцатью гробами. Ночью баржа, груженная покойниками и дровами, залитая горючим и подожженная, светила долго и тревожно. Огни горевшей баржи плясали на подымавшейся легкой зыби.

Не снимая своих одежд, также обреченных на сожжение, Бочаров с Соколовым еще раз для проверки осмотрели кормовую часть судна. Но больше трупов не нашли. Корабль освободился от страшного груза. Теперь оставалось привести в порядок людей из бочаровского отряда. Для участников работ по уборке чумных трупов готовилась ванна. Человеку предлагалось войти в ванную комнату, сбросив белье и все свое платье в соседнем помещении, где палуба была цементирована и стены железные. Мылись по очереди. Одевались во все чистое, заранее приготовленное для них Васей-китайцем, и уходили в отведенную каждому карантинную каюту. Бочаров шел последним. Он облил керосином и поджег все платье участников своего отряда.

Старший механик Ляпсин занимал крайнюю каюту по коридору. Каюты отрядников были отведены все рядом. Каждый удалялся к себе в каюту из ванной комнаты, как в заключение. Всякая связь с жи-

вым миром прерывалась на десяток дней. Еду подавали через открытую дверь ежедневно в положенные часы. Каждому выдали по бутылке красного вина. Бочаров не пил. Бутылка стояла нераскупоренной.

Ночью в каюту Бочарова постучался судовой врач. Он сообщил, что заболел Ляпсин. Больной просит, чтобы к нему никто, даже врач, близко не подходил. Врач был заметно растерян. Он просил совета у Бочарова, как быть. Бочаров предложил вызвать к себе в каюту Ляпсина.

Старший механик пришел не сразу. Он заявил: «В каюту Бочарова ни за что не пойду. Я могу заразить и погубить его. У него невеста, перед ним вся еще жизнь впереди...»

— Я себе не враг, — убеждал Бочаров Ляпсина. — Иди ко мне в каюту, будешь спать на диване. У тебя все это на нервной почве. Это не чума!

— Не пойду, — твердил свое Ляпсин. — Смерти я не боюсь. Я исполнил свой долг и не жалею об этом.

Уговорам не видно было конца, тогда Бочаров схватил Ляпсина за руку и насильно затащил к себе, налил ему стакан красного вина и строго сказал:

— Пей!

Ляпсин выпил два стакана, вмиг захмелел, забормотал что-то невнятное и повалился спать на диван.

Глядя на заснувшего, Бочаров думал: «Если сам заболею, стану у борта и пущу себе пулю в лоб. Не придется товарищам заботиться о моих похоронах».

Сел за письменный столик, взял листок бумаги и стал писать матери прощальное письмо. Как вдруг из носа моряка обильно хлынула кровь и залила почтовую бумагу. Бочаров испугался одного: вдруг Ляпсин проснется, увидит на столе кровь и подумает, что у Бочарова — чума. Тогда — конец! Свихнется совсем человек. Было уже за полночь, когда в каюту постучали. Штурман проснулся, но не откликнулся. Осторожный стук повторился. Бочаров заволновался.

— Никто бы не стал будить меня по пустякам, — подумал моряк. — Значит, случилось что-то очень нехорошее...

Бочаров открыл дверь своей каюты и увидел матроса Соколова. Это был дельный серьезный моряк, какой в беде не расплакался бы. Теперь на нем не было лица.

— Что случилось? — тихо спросил его Бочаров.

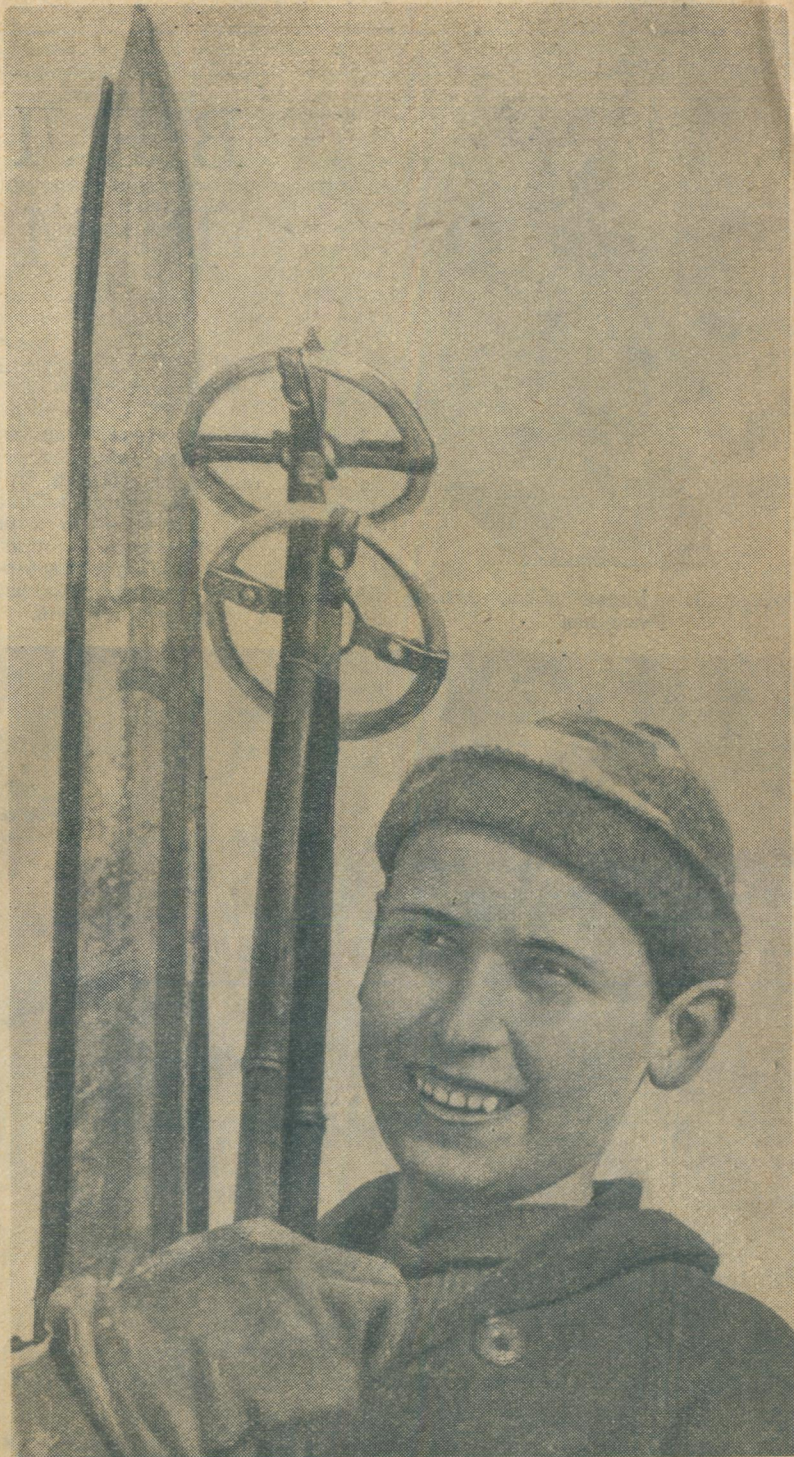
— Чувствую, Иван Александрович, что заболел. Я прошу вас: запишите адресок моей матери, пошлите ей мои деньги и сообщите, как все произошло. Я несколько не жалею, что так все случилось со мной. Если бы и знал заранее об этом, все равно бы не удержался, пошел. Меня бы ничто не остановило.

Бочаров принялся уверять матроса, что нельзя так скоро заболеть чумой. Соколов жаловался на сильную боль в груди и тошноту.

— Видите, вон баржа горит, — сказал матрос. — Как посмотрю на нее, вот и лезет в голову, что скоро и меня так жечь будут. Скучно становится.

— А вы на нее не смотрите. Далась вам эта баржа! Живой человек, такой здоровяк, как вы, о смерти думать не должен!

Соколов быстро успокоился и пошел к себе в большую шлюпку на ботдек, где жил.

На прогулку

Фотоэтиюд В. Горшкова

Бочаров так и не заснул в ту ночь. Все тревожился за Ляпсина и Соколова. А письма недописал.

Едва только рассвело, штурман оделся и вышел на ботдек, постучал по борту соколовской шлюпки и услышал в ответ:

— Иван Александрович! Это вы? У меня ничего не болит. Все ола-рай! Никакой чумы нет!

Штурман поднялся в шлюпку. Соколов лежал в ней улыбающийся и радостный.

Только Жильцов и китаец Вася из отряда Бочарова оставались внешне совершенно спокойными, ни на что не жаловались и без волнения поджидали последнего дня карантина. Так отсидели в плену на корабле восемь дней. Никто на судне больше не заболел. Уцелели и все отрядники. «Тургенев» снялся в обратный рейс...

С тех пор уткло немало воды.

Мало «тургеневцев» плавает теперь по морям и океанам. Соколов умер старшим помощником капитана. Не стало и Ляпсина. Моряк погиб не в море на корабле, а на больничной койке совсем недавно от крупозного воспаления легких. Пропал без вести Вася в китайской красной армии. Из всего противочумного отряда остался в живых лишь один Бочаров, хоть и за-скачивал гробы, несмотря на предупреждение товарищей.

Чумный рейс кончился. С тех пор прошло двадцать с лишним лет, но память о нем навсегда осталась у моряка.

Будучи уже известным капитаном-орденоносцем, он не раз в кругу соплавателей вспоминал о чумном рейсе на обреченном, казавшемся, корабле. Моряки слушали капитана с вниманием и уважени-ем.

И. Уразов

ВЕЛИЧАЙШИЙ В МИРЕ ЦИРК

20 лет госцирков

«Коверный» — Каран д'Аш, артист Румянцев

Вокруг рук жонглера, как мотыльки вокруг огня, взлетают зонты, шары, теннисные ракетки. Круто выгнув упругие шеи, взбивая опилки манежа, несутся по кругу нарядные лакированные лошади. Заплетаясь в громадных царь-батинках, выходит рыжий, помахивая неизменной суковатой палкой.

Цирк везде одинаков. Цирк всегда одинаков. У каждого театра, даже маленького, — свое лицо; одна и та же пьеса в разных театрах звучит по-разному. А здесь все те же проволочные танцовщицы, акробаты, крутящие сальто...

И все же советский цирк не похож на другие. Мы имеем в виду

не только право артистов на отдых, отсутствие среди них безработных, или обязательную в СССР сетку при воздушных номерах. Мы говорим о самой программе.

В советском цирке нет демонстраций уродств, нет номеров, рассчитанных на трепку нервов или чувственность зрителя. Переместился центр тяжести программы. Основными у нас стали физкультурные номера, демонстрирующие ловкость, здоровье, силу. Увеличено количество номеров с дрессированными животными.

Но звери, — ведь не стали они смирнее? — Посмотрите, как кролики, даже без клетки, медведи Исаенко в последней программе Госцирка. Или вспомните львов укротителя Б. Эдера. Конечно, характер зверей остался тот же. Но изменилась установка укротителя.

Раньше в цирке требовалась видимость опасности, часто становившаяся подлинной опасностью. Укротитель особыми приемами заставлял зверей рычать, нервничать, бросаться. Те же животные, у тех же дрессировщиков на утренниках для детей становились смиренными: сенсация нужна была только для вечерних выступлений.

Цирк, живший сенсациями, показывавший «людей без нервов», «смертельные прыжки», — стал бодрым, здоровым зрелищем.

Цирк, вопреки принятому мнению, отнюдь не застыл в веках. Умирает конный цирк, — на манеж приходит велосипед и автомобиль. Жонглирование — древнейший вид искусства; изображения жонглеров мы находим на греческих вазах. Но стиль жонглирования менялся. Артист в цилиндре и фраке, бросающий в воздух бутылки, сигары, цилиндры, бильярдные шары, — это влияние шантана и варьете. И неслучайно ассистент тако-

Гастроль артиста С. Рудиф в Московском госцирке

Фото А. Шайхета

Заслуженный артист республики
Виталий Лазаренко

го жонглера обычно одет в костюм официанта. Жонглер в костюме индейца, работающий томагавками и лассо, появился в дни успеха романов Фенимора Купера. А в сегодняшней программе Госцирка на манеж выбегают танцующие украинские колхозники и колхозницы и от них отделяется артист, жонглирующий арбузами. Узбекская группа акробатов выступает в национальных костюмах на

Выступление артистов цирка в полевом стане колхоза

верблюдах. Стрелки одеты в форму, напоминающую красноармейскую. Они работают деловито, без обычного жеманного пританцовывания, — кажется, что вы смотрите на состязание советских снайперов. Молодые артисты в комбинезонах балансируют на небутафорских мотоциклах. Таких балансирующих на мотоциклах физкультурников мы видим во время парадов на Красной площади. Это не случайно. Цирк ставит себе сегодня задачу показывать высшие достижения физкультуры.

В последней программе цирка выступали очень чисто работающие четыре прыгуна на канате. Это бывшие участники дагестанского кружка самодеятельности.

В цирк пришли новые артисты. Еще лет десять назад в программах наших цирков было до 75 процентов иностранных номеров. И даже русские артисты переделывали свои имена на иностранные.

Теперь программы цирка целиком составляются из советских номеров. Советский цирковой артист гордо носит свое русское, украинское, грузинское, татарское, узбекское имя. Он знает не только свое ремесло, превращенное в высокое искусство. Он окончил ту же общеобразовательную школу, что и вся советская молодежь. За одиннадцать лет существования единственная в своем роде Всесоюзная школа циркового искусства дала циркам советских республик сотни новых артистов.

Это изменение лица советского артиста, советского цирка — крупнейшее достижение, с которым приходит советский цирк к двадцатилетию своего существования. Но и в этой области еще не все сделано. Когда-то, говоря о советизации цирка, полагали, что номер, который легко советизировать, — это клоуны. Наездники, мол, все равно будут по-старому прыгать через гирлянды цветных

лент, велосипедисты — описывать головокружительные мертвые петли, но вот клоуны заговорят о сегодняшнем, — и цирк станет советским. Вышло иначе. Цирк стал другим, а вот новая клоунада не создана еще и сегодня. Когда-то молодой зачинатель советской клоунады, Виталий Лазаренко стал маститым заслуженным артистом, он все еще так же прыгает и шутит, но новых клоунов нет или почти нет, арена молчит или повторяет старые, «археологические» шутки.

Двадцать лет назад лишь в немногих крупных городах было каменное стационарное здание цирка. В основном — провинциальный цирк был бродячим. Директор приезжал в город, строил легкое деревянное здание, играл в нем два-три месяца, еще во время постройки продавал здание на слом и ехал дальше, увозя «шапито» — дырявую заплатанную парусину для крыши и дорожку для барьера.

История госцирков — это упорная борьба за завоевание новых городов, где приходилось начинать сначала: с постройки каменного здания. А в 1937 году в СССР работало одних стационарных цирков — 68.

Но большие цирки можно строить только в крупных городах. Большинство цирков всегда было передвижными.

Бродячий цирк — это не обязательно жалкий тряский фургон. Бродячий цирк — не всегда семья акробатов в штопанных трико и три музыканта. Цирк Сарразани,

Дрессировщик Владимир Дуров

например, во время южноамериканской поездки передвигался на 150 специально оборудованных автомобилях (автомобили — клетки, автомобили — радиостанции, телефонные, электростанции).

Наши советские передвижки не так грандиозны. И не потому, что мы бедны, а потому, что такие передвижки не вызываются необходимостью. В Америке и на Западе существуют, например, трехманежные цирки. Один около другого, под одной крышей расположены три манежа. Вокруг этих манежей иногда устраивается еще дорожка, вроде ипподромной, для конных состязаний. Представление идет на всех манежах и на дорожке одновременно — смотри, что хочешь. Как будто бы заманчиво. Но на самом деле это только результат конкуренции, по существу убивающей цирк. Зритель не видит хорошо ни одного выступления. Представьте себе кинозал, где на трех экранах одновременно показывают три звуковых фильма! Все три номера в трехманежном цирке прекращаются в любую минуту, хотя бы посреди трюка, по свистку режиссера. В таких цирках вход на репетиции платный, и фактически репетиций нет, потому что это — то же представление, с единственным отличием, что оно артистам не оплачивается, хотя для них и обязательно. Вряд ли такой цирк может служить для нас образцом.

Советские передвижные цирки бывают нескольких типов. Есть, например, городские передвижные цирки, — они объезжают те города, где нет постоянных цирков. Затем существуют колхозно-совхозные цирки. Эти цирки, мы бы сказали, «легче на подъем», они рассчитаны на большую подвижность. Но кроме того созданы еще «цирки на колесах» — восемь облегченных, еще более подвижных групп.

Чтобы яснее представить себе всю грандиозность этой сети, скажем; что только за 1937 год цирки играли в 130 городах, дали представления в 4 тысячах колхозов и совхозов, что представления эти посетило 16 миллионов человек!

Но если мы говорим «столько-то цирков», то за этим стоят еще новые цифры. Это значит, что в госцирках работает двухтысячная армия артистов, что у цирков свыше 25 конюшен с 15—20 лошадьми в каждой, леопарды и львы, верблюды и тигры, медведи и обезьяны.

И всю массу людей, зверей, реkvизита надо непрерывно перебрасывать с места на место, обеспечивать артистов помещением, львов — конским мясом, обезьян — фруктами.

Управление госцирков — это не сумма столько-то отдельных цирков. Можно было бы сказать, что это единый, величайший в мире цирк. Артисты перебрасываются из города в город не труппами, а отдельно. В цирках это называется «конвейером». Таким образом программа цирков непрерывно обновляется по плану, рассчитанному на долго вперед, так, чтобы не было простоев, не нарушалась цельность программ и чтобы самые отдаленные уголки получали ту же программу, что и столица.

Гастроли советского передвижного цирка в Монгольской народной республике

Мы рассказали здесь только об основах организации, не вдаваясь в частности. Можно было бы рассказать о цирковых мастерских, о выездах цирковых бригад в части Красной армии, на фабрики и заводы, об организации зверинцев и аттракционов и т. п.

Работники величайшего в мире цирка поставлены в исключительные условия, кажущиеся фантастическими в капиталистических странах. Цирк всегда был как бы искусством второго сорта, искусством для народа. Римский цирк — это даже не родственник современного цирка, а только однофамилец. У советского цирка далеко не столь знатное происхождение. Он ведет свое начало от бродячих цирковых трупп, от народных развлечений, ярмарочных балаганов. Циркач всегда вел полуголодное существование, был неграмотен. Его не считали работником искусства.

В СССР впервые искусство цирка, любимое массами, получило настоящее признание уже не на правах пасынка. И самое фантастическое в советском цирке для артистов капиталистических стран — это то, что рыжий или акробат могут быть награждены высоким званием заслуженного артиста республики и что в центре социалистического государства — в Москве — одна из улиц может быть переименована в честь покойного клоуна и дрессировщика Дурова.

ПОПРАВКА: В № 1 «Огонька», стр. 21, 1-я колонка, 7-я строка сверху, напечатано: «12 ноября», следует читать: «12 декабря».

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Адрес редакции: Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 4-28-45.

Оформление И. Уразова.

Стат. формат 275 × 360 мм, 1/4 доля. 1 1/2 бум. листа.

Уполн. Главлита Б-21111. Изд. № 25. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 11/1-38 г. Подписано к печати 5/II-38 г. Заказ № 85. Тираж 300 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Издатель: ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

НЕПРИНЯТЫЕ РУКОПИСИ И КРОССВОРДЫ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

Техн. редактор И. Ахрар.

Наркомпищепром
СССР
Главпарфюмер

ТИЭМЭ

ДУХИ, ОДЕКОЛОН
КРЫМСКАЯ РОЗА
нежного, стойкого запаха

Лучший отдых-
путешествие по СССР

ТУРИСТСКО - ЭКСКУРСИОННЫМ
УПРАВЛЕНИЕМ ВЦСПС
в 1938 году ОТКРЫТЫ
ТУРИСТСКИЕ МАРШРУТЫ:

по Кавказу, Крыму, Черноморскому побережью,
Украине, Заполярье, Алтаю, Волге, Каме, оз. Се-
лигер, Мичуринску, Москве, Ленинграду

Открыта продажа путевок в учебные альпи-
нистские лагеря на Кавказе и Алтае

Продажа путевок отдельным гражданам и зак-
лючение договоров с организациями производится
управлениями уполномоченных ТЭУ ВЦСПС:

В Москве — Арбат, 57, Дом туриста. В Ле-
нинграде — ул. Белинского, 13. В Кие-
ве — ул. Коминтерна, 2. В Тбилиси —
ул. Зак. Федерации, 12. В Ялте — Виноградная
ул., 8. В Новосибирске — Дворец Труда,
к. 28. В Горьком — Краснофлотская, 52.
В Ереване — Кнунянц, 23. В Баку — Дворец
Труда, к. 27. В Ташкенте — Дворец Труда,
к. 5. В Алма-Ате — Саркандская ул., 10. В
Назани — ул. Комлева, 7. В Иваново — Дво-
рец Труда, к. 13. В Ярославле — Волжская
набережная, Дом туриста. В Курске — ул.
Ленина, 3. В Куйбышеве — Куйбышевская
ул., 38. В Свердловске — Пушкинская, 10.
В Ростове-на-Дону — ул. Энгельса, 83.
В Минске — ул. Урицкого и ул. К. Марк-
са, 11/16. В Харькове — Армянский пер., 3.
В Мариуполе — ул. III Интернационала, 48

ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПРОСПЕКТЫ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН МОСВОЕНТОРГА

МОСКВА, ул. Коминтерна, 10/3, Расч. счет № 60241
в Краснопресненском отд. Госбанка

Высылают почтовыми посылками в любой пункт Союза
всем военнослужащим **РККА**: служащим военизиро-
ванных охран, милиции и организациям, воинским ча-
стям, их клубам, а также всем гражданам

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ГАРМОНИИ ВЕНСКИЕ 2-х рядные

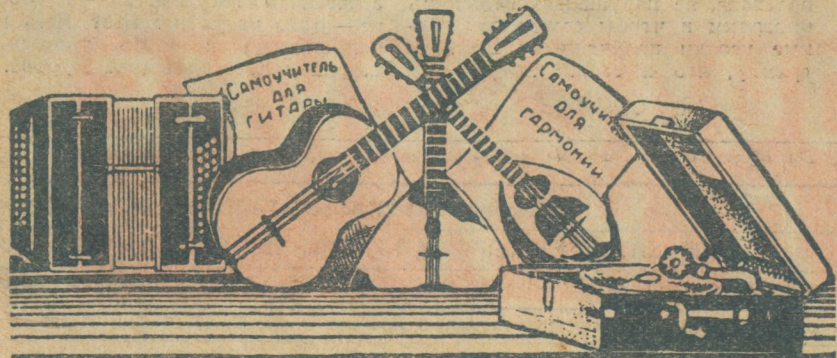
4-х план. русского и немецкого строя, 23 кл., 12 бас., в футляре 225—00
То же на кусковых дюр-алюминевых планках в футляре 308—00
6-ти план. 23×12 только русского строя тульских мастеров 395—00
8-ми план. 23×12 лучших тульских мастеров русск. и нем. строя 459—00
6-ти план. 25×25 хроматического строя лучших тульских мастеров 500—00
БАЯНЫ 3-х рядные 52×100. Работы кирилловских мастеров 923—00
3-х рядные 52×100. тульских мастеров 1570—00

ФУТЛЯРЫ для гармоний — 37 р. и 43 р. 70 к.
БАЛАЛАЙКИ 3-х и 6-ти струнные — 13 р. 70 к., 30 р., 45 р., 60 р.,
80 р. до 150 р.

ГИТАРЫ — 27 р. 50 к., 46 р., 52 р., 60 р., 90 р., 118 р., 128 р. до 400 р.
МАНДОЛИНЫ — 19 р. 50 к., 24 р., 45 р., 60 р., 75 р., 83 р., 93 р. до 108 р.
до 150 р.

ПАТЕФОН ПТ-3 с 5 пластинками и 2 кор. иголок, заводной
БОЛЬШОЙ ВЫБОР домровых, 4-струнных, балалаечных 3-струнных, шумовых
и смешанных оркестров. 360 р.

ЦЕНЫ БЕЗ ПЕРЕСЫЛКИ И УПАКОВКИ, упаковка и пересылка по себе-
стоимости наложенным платежом.
ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВСЕЙ СТОИМОСТИ ВЫПИСАН-
НОГО ТОВАРА.

ЛУЧШАЯ ПРИПРАВА к ЛЮБОМУ БЛЮДУ соя **Кабуль** и **ВОСТОК**

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР
„СОЮЗПРОМСОЯ“
ТРЕБУЙТЕ во ВСЕХ
МАГАЗИНАХ
ГАСТРОНОМА, БАКАЛЕИ и др.
ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ:
МОСКВА, НОВОСЛОБОДСКАЯ, 7
„СОЮЗПРОМСОЯ“

СМОТРИТЕ, СЛУШАЙТЕ

БОЛЬШОЙ ЗВУКОВОЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Авторы сценария и постановки

БРАТЯ

ВАСИЛЬЕВЫ

Шеф-оператор

Александр СИГАЕВ

Оператор

Аполлинарий ДУДКО

Художник

Яков РИВОШ

Декорации

И. И. ЗАБЛОЦКОГО

Директор производства

Александр ГИНЗБУРГ

Ассист. режиссеров

Э. ГАЛЬ, Б. НОВИКОВ,

Ю. ЛАВРОВ, В. ЧЕМЕ-

РИСОВА и В. ЯКОВЛЕВ

Музыка

Дмитрия ШОСТАКОВИЧА

Звукооператор

Александр БЕККЕР

Ассист. звукоопер.

Ю. КУРЗНЕР и

А. МАНУКЬЯН

Текст партизанской песни

Андрея АПСОЛОНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Маша

засл. артистка республ.

Варвара МЯСНИКОВА

Андрей

арт. **Николай ДОРОХИН**

Усужима

арт. **Лев СВЕРДЛИН**

Гришин

арт. **Юрий ЛАВРОВ**

Казачий есаул

Василий ГУЩИНСКИЙ

Бублик

засл. артист республики

Борис БЛИНОВ

Егор Квитко

арт. **Владимир ЛУКИН**

Фалалей

арт. **Иван ДОБРОЛЮБОВ**

Трофимыч

Александр МОРОЗОВ

Ленька

арт. **Андрей АПСОЛОН**

Начальник станции

Федор ЧАГИН

Дед

засл. артист республики

Борис ЧИРКОВ

Валерий Яковлевич

арт. **Алексей МАТОВ**

Пленный японец

Борис ХАЙДАРОВ

выпуск мок

„РОССНАБФИЛЬМ“

ПРОИЗВОДСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
КИНО-СТУДИИ
ЛЕНФИЛЬМ

ВОЛОЦДЕВСКИЕ

ДНИ

Хим-тех шеверено

Гонек

Цена 50 коп.

Засл. арт. республик
орденотосец В. Н. Давыдова
в роли Трухи в опере «Броненосец
Глотетини» (Гос. Акад. Большой театр)